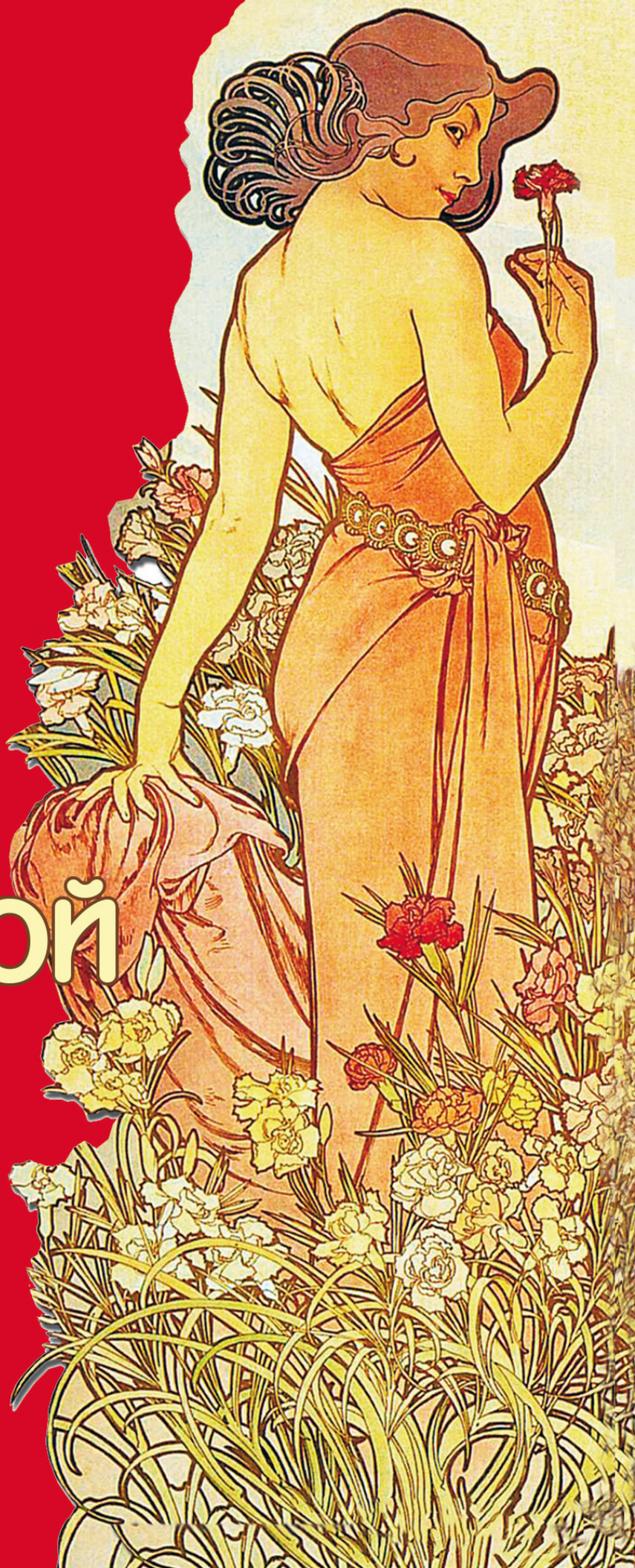

МАРИНА
СКРЯБИНА

ПРАВО
НА ЛЮБОЙ
ХОД

Марина Скрябина

Право на любой ход

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6.4

Скрябина М.

Право на любой ход / М. Скрябина — «У Никитских ворот»,
2018

ISBN 978-5-00095-507-9

Новый роман «Право на любой ход», конечно же, о любви, о большой любви, но сюжет настолько динамичный и захватывающий, что остановиться, чтобы дочитать завтра, невозможно, пока не окажешься на последней странице, как, впрочем, можно сказать про все другие романы этого автора. Многогранность поэта, писателя, члена Союза писателей России Марины Скрябиной в этом романе проявилась с новой стороны: как глубокого исследователя биографии известной исторической личности Зинаиды Райх, жены сначала поэта Сергея Есенина, а потом – режиссера театра Всеволода Мейерхольда. А главная героиня романа, Ирина Соломатина, познает себя в любви на разрыв: «Я просыпаюсь каждое утро с тобой... С тем – тобой, которого я себе придумала: ласковым, любящим, нежным... С тем, которого нет и быть не может... потому что судьба в который раз посылает мне не любовь-облегчение, не любовь-радость, не любовь-счастье, а любовь-страдание, любовь-одиночество и любовь-боль...»

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6.4

ISBN 978-5-00095-507-9

© Скрябина М., 2018
© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Октябрь 2015 г., Италия. Римини	6
2012 г., Подмосковье	7
Конец XIX и начало XX века, Зинаида Райх. Одесса, Бендеры, Питер	23
2012 г., Подмосковье	27
Школьный дневник 1980–1981 гг., Подмосковье	36
2012 г., Подмосковье	42
1917 г., Зинаида Райх. Петроград – Соловки – Орёл	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Скрыбина

Право на любой ход

© Скрыбина М., 2018

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

* * *

Все события вымышлены. Любое сходство случайно.

*Ты пойдёшь налево,
А может быть, пойдёшь направо.
Ты ведь королева,
Ты имеешь право*

На любой ход. А. Цекало, из к/ф «Ландыш серебристый»

*Я не отдам тебе тебя! Ты не проси!
И ещё долго, спя с другою ночью,
Ты будешь имя лишь моё произносить,
И видеть лишь меня... Я знаю точно!*

Марина Скрыбина

Октябрь 2015 г., Италия. Римини

Обворожительная брюнетка в светло-сером льняном сарафане с накинутым на плечи ярко-цветастым палантином сидела на открытой веранде с чашечкой капучино и вслушивалась в мелодичное трепетание прибора. Стрелки часов приблизились к полудню, и это вторая чашечка, которую она позволяла себе за день, иначе будет плохо спать ночью. А первая выпивалась в восемь утра, после чего она спешила в кабинет к рабочему столу и около четырёх часов посвящала исключительно литературе. Ведь она – писатель.

Первая линия... Те, кто часто бывают на курортах, знают, что такое «первая линия»: крайний ряд отелей или частных пансионатов у кромки моря. В итальянском Римини это бескрайние пляжи с песчаными отмелями. Бархатный сезон благополучно завершился. Русскую речь в городе услышат только в мае будущего года. Но писательница устроила свою жизнь так, чтобы не чувствовать оторванности от России: поселила рядом с собой родственницу-компаньонку и наняла русскоговорящую прислугу.

Впрочем, сильно не заскучаешь, ведь к ней на днях подъедут друзья из России. А ближе к январю писательница увидит своих ненаглядных дочек-внучек, когда поедет погостить в Москву, где соберётся вся дружная семья. А что сидеть в одиночестве в Италии, где Новый год не празднуют вовсе? Как же выходцы из Советского Союза без него?! Без наряженной ёлки, без Деда Мороза и Снегурочки, без подарков и новогодних фейерверков...

Но это потом... Ностальгия по родине её не мучила, хотя по снегу она иногда всерьёз скучала. И тогда в любое время года можно было махнуть на машине на север Италии, к границе со Швейцарией. Например, в Бормио, который она облюбовала, живя в России. Там можно видеть снежные шапки и кататься на лыжах круглый год, изредка балуя себя походами в термы, берущие начало от Древнего Рима...

Впервые писательница попала в Италию в 1996 году и с тех пор грезилась только ею, несмотря на то, что объездила всю Европу вдоль и поперёк. Но в Италии ей нравилось буквально всё: и города с древней историей, и разнообразная природа, и культура средиземноморской кухни, да и сами итальянцы... К тому же, ничто не может разочаровать в стране, ставшей для бывшей москвички ныне пристанищем, неким успокоением от бурной молодости.

После всех злоключений, выпавших на её долю, для Ирины Соломатиной просто не было иного выхода, как стать романисткой. Сейчас она корпела над очередным романом, который отвезёт после католического Рождества в Москву своим издателям. Но написание романов – это скорее баловство, хобби. Основной доход поступает от киносценариев, которые пишутся под настроение, ведь полновесные рассказы и романы легко переделать при желании в сценарии для экранизаций. Недавно приезжали за новыми творениями аж из Санкт-Петербурга, где сейчас живёт её старшая дочь Майя с семьёй. На литературном поприще Ирина вполне успешна.

Нежный бриз ласково коснулся лица и сразу отвлёк от материальных размышлений. Как же она любила в это время года сидеть на веранде! Солнышко даже в полдень не обжигало, а слегка поглаживало и золотило кожу. На сегодня дань литературе отдана сполна, и можно позволить себе понежиться под осенними лучами. Перед ней на всём огромном пространстве раскинулись пляжи, пляжи, пляжи... А в море тёмными точками виднелись кораблики, что доставляли ежедневно улов на местный рынок и в рестораны.

Счастье есть!

2012 г., Подмосковье

Она в любом возрасте была если и не сногшибательной красавицей, то обаятельной брюнеткой, способной вскружить голову сначала мальчишкам, потом – молодым людям, а затем и уверенным в себе мужчинам. Дважды выходила замуж, меняя фамилии, но авторский псевдоним оставила с девичьим именем, данным при рождении, – Ирина Соломатина, искренне считая, что мужчины приходят и уходят, а то, что заложено в женщине изначально, никогда не изменит.

Ирина на данный момент была одна. Нельзя сказать, что она находилась в активном поиске, потому что по штампу в паспорте оставалась замужней дамой, но с ней рядом не было того мужчины, на которого можно опереться, чтобы перевести дух и идти дальше. Муж по паспорту давно проживал в Германии. Поэтому приходилось Ирине самостоятельно сползать на обочину, отлёживаться, вставать и продолжать путешествие по жизни в гордом одиночестве... И кто бы что ни говорил, но никто не любит и не уважает слабых женщин, все любят сильных. А значит, приходилось быть сильной.

Эту странную встречу, о которой пойдёт речь дальше, она не ожидала, не думала, не звала... Нет, не совсем так. Всё же звала, но безо всякой конкретики. Она не знала, какой мужчина окажется рядом после стольких жизненных коллизий и потрясений, но, как натура возвышенно романтическая, не обделённая поэтическим даром, звала и притягивала к себе большую чистую любовь, без которой не могла существовать, и которая случается раз в жизни. Ну, может быть, два раза для таких чувственных особ, как Ирина Соломатина. И пусть писательнице исполнилось этой весной сорок пять, менее желать любви она не стала, а только распеялась оттого, что не с кем эту нерастраченную любовь разделить.

*Послушай меня, мой далёкий мужчина,
Которого, может, пока я не знаю,
Поверь, что найдутся такие причины,
Чтоб нас подтолкнули друг к другу на крае...*

*На крае судьбы, на пороге вселенной,
Где долго в разлуке душа леденела...
И там ты падёшь предо мной на колени
И будешь молить снизойти до предела,*

*Чтоб вместе шагнули мы с края над бездной,
Рука чтоб в руке и – за миг до восторга!
Пусть крикнет вдогонку поруганный бездарь,
Что женщинам клятвы любви не расторгнуть...*

Притягивала, ворожила, что, в общем-то, является для православия греховным язычеством, но к чему только ни обратишься, желая любви, как избавления от тягостного и опостылевшего одиночества. Да, Ирина не была одинока в полном смысле этого слова, ведь уже упомянуто замужество. А кроме того, у неё имелись две красавицы-дочери от разных браков – Майя и Марина, с двенадцатилетней разницей в возрасте.

Майя выпорхнула из родительского гнезда в славный город Питер, обзаведясь собственным пристанищем и порадовав рождением внучек-погодок Дашеньки и Сашеньки. А Ирина с младшей дочерью Маришкой осталась в Москве.

*Былые оковы, играючи, скину,
В который уж раз я другие надену...
Пусть только найдётся достойный мужчина,
С которым хотелось бы кинуться в бездну!*

Ирина прочитала как-то во французском журнале статью о том, как женщине оставаться дольше молодой. В ней наряду с активным образом жизни и правильным питанием французы рекомендовали в сорок лет обзавестись младенцем: или самой родить позднего ребёнка, или стать молодой и красивой бабушкой. Ей посчастливилось последнее. И пока Майя жила с мужем и малышами в Москве, вопрос о свободном досуге не стоял: вся семья включилась в процесс возвращения и воспитания Дашеньки и Сашеньки... Но зятю предложили работу в Питере, и птенчиков увезли.

Сразу образовалась пустота, которую необходимо было чем-то или кем-то заполнить, хотя и младшая доченька, шестнадцатилетняя красавица Мариша, не давала заскучать. И всё бы хорошо, но не было в жизни писательницы достойного любящего мужчины рядом, как в её стихотворении. Иногда, отчаявшись, со слезами на глазах она вопрошала у Бога:

– Неужели никогда меня не поцелует любящий мужчина?! Боже! Прошу тебя! Хочу любви! Сколько же маяться одной-одинёшенькой? Сколько плакать в холодную подушку и кусать недоступные локти? Сжался, Боженька! Дай любви сильной и взаимной!

Так просила она последние полгода, не представляя, кто же поможет ей скрасить одинокую старость. И хотя до этого момента вроде бы ещё далеко, но подумать об этом стоило сейчас. «О какой старости может идти речь?» – спросит пытливый читатель, если Ирина прекрасно выглядела в свои сорок пять лет. Ей и сорока на вид никто не давал. Но и сейчас у неё иногда закрадывалась неподдельная зависть к престарелым парочкам, гуляющим в парке и смотрящим друг на друга с теплотой и участием.

Для многих жизнь в сорок пять только начинается. Физически Ирина не давала своему организму возможности стареть, занимаясь собой постоянно: утренняя гимнастика, правильное питание с разгрузочными днями, экофитнес в дачный сезон, диагностика в клиниках раз в год, гомеопатия, баня... Может, что-то ещё? Да, ещё активный образ жизни.

Но как же ей хотелось любви! Не секса для здоровья, к чему Ирину пытались неоднократно склонить подруги, присматривающие ей любовников. Нет! Она, максималистка по натуре, хотела чувствовать себя по-настоящему любимой и желанной. Ирина же не простая женщина, а поэтесса и романистка, и любовь ей нужна, кроме всего прочего, ещё и для вдохновения, для полёта мысли и фантазии.

Поэтический сборник, в который вошли лучшие Ирины стихи о любви, подаренный на день рождения издателями, горит желанием мужчины:

*Едва губами прикасаясь
К твоим губам – войду в весну.
Мечтами сладко упиваясь,
В себя я жизнь опять вдохну.*

*И сердце – полное восторга! —
Любуется на белый свет...
Все обязательства расторгнув,
С тобой хочу встречать рассвет.*

*Любить! Ни перед кем не каюсь,
Забыв, что мне не двадцать пять...*

*Губами губ твоих касаясь,
Готова целый мир обнять!*

Это ли не прямой вызов одиночеству? Но тех мужчин, в любви которых Ирина могла быть уверена, давно не было в живых. Они канули в перестройку, как в чистилище. А мужа к разряду любящих отнести уже невозможно.

После осознания, что второй супруг, давно живущий в Германии, никогда не станет той опорой, для которой и вступают в брак, женщина некоторое время наслаждалась одиночеством. Ей никого не хотелось ни видеть, ни слышать, и ни от кого не зависеть. Последнее для самодостаточной женщины – важнее всего. Но потом... Потом и свобода порядком надоела, хотя написание стихов, рассказов, эссе, романов, сценариев и выпуск новых книг занимали всё время, так что на мужчин не оставалось ни свободной минуточки. Почти... Или она сама так обустроивала свою жизнь, чтобы не видеть вокруг себя кромешную пустоту?

Наверное, и романы Ирина начала писать, потому что в них события развивались по придуманному сценарию, и мужчины в них такие, которых не встретишь в реальной жизни, соединившие в себе ум, интеллигентность, понимание, заботу. Поэтому всё чаще она ловила себя на мысли, что не спешит возвращаться от написания романов к действительности. Хотелось остаться там, в придуманном мире. Отвлекала и заземляла дочь Маришка, которая выдирала из мира иллюзий одним своим:

– Ма-а-м!

И это огромное счастье, что она постоянно рядом. Но времечко неумолимо утекает. Не пройдёт и пяти лет, как она вслед за старшей сестрой обзаведётся своей семьёй и упорхнёт из дома. А что же останется Ирине? Лишь её романы и сценарии? Не слишком ли это мало для красивой женщины? Останутся, конечно же, подруги, которые поддержат в трудную минуту. Только на них вся надежда.

В прошлом году у Ирины вышли сразу два романа подряд. Она сама себе поставила такую непростую задачу, чтобы проверить себя на прочность: сможет ли написать два романа в год, – потому что раньше выпускала по одному. Проверила. Получилось. Но сейчас уже полгода прошло, а что-то никак не определялась тема нового романа... Не приходила. Не вырисовывалась. Даже у известных писателей случается затык, когда не пишется, но такие периоды осознания тоже необходимы.

Она встретилась в кофейне ранней весной с подругой-поэтессой Марией Ветровой, с которой редко пересекалась, но порой нуждалась именно в её профессиональных советах. Обнялись, расцеловались, выбрали столик у окна.

– Иришка, как ты, моя умница? Что загрустила? Или на шопинг давно не выбиралась?

– Ты, Машуля, как всегда, проникательна! – пришлось констатировать Ирине с грустной улыбкой.

– А что удивляешься? Видно за версту: у тебя в глазах – тоска вселенская. Даже странно это видеть, потому что ты всегда полна каких-то творческих планов. Что с тобой, радость моя?

– Машуль, не поверишь, ни одной дельной мысли в голове. Стихи не пишутся, роман ещё в прошлом году закончила писать. Уже вышел. Кстати, я тебе его принесла...

– Почитаем!

Ирина достала из сумочки новое красочное издание. Подруга взяла в руки книгу, полистала...

– Опять на обложке твой любимый Альфонс Муха? А почему не подписано?

– Сейчас, сейчас, только ручку разыщу... Как всегда, в сумочке ничего не найдёшь...

– Подожди, у меня есть. На!

– Что написать?

– Что хочешь...

- Напишу: «Любимой моей Машуле! От автора, с пожеланием творческих удач».
- Вот и ладненько! Обязательно, когда прочитаю, отзвонюсь с комментариями. Так о чём же ты тоскуешь, если радость такая: книга вышла! Считай, новым ребёночком обзавелась...
- Обзавелась... Только теперь в голове – вакуум. И он меня пугает до нервных коликов. Ни стихов не пишется, ни рассказов, ни новых намёток на следующий роман... Ти-ши-на-а-а...
- Это у тебя весенняя хандра, голубушка! И ничего более!
- Хорошо, если так...
- Влюбиться тебе надо! Вот что! И сразу начнёшь и стихи писать, и роман сам сложится...
- Ага! Влюбиться! Только знать бы, в кого. Подскажи! Ты же сама знаешь, как трудно в налаженную жизнь впустить неизвестного мужчину. Кто его знает... Мне по жизни столько уроков попадалось, что от одной мысли «впустить» – страшно становится. А если он шизофреником окажется или домашним тираном? У меня же дочь шестнадцатилетняя рядом. Как ей уживаться с чужим мужчиной? Я решила: пока Маришка замуж не выйдет – ни-ни!
- Стоп, стоп, стоп! Я же тебя не в лапы к шизофреникам кидаю. Я говорю о любовнике, спокойном, открытом для общения, в меру щедрым, а не о том, чтобы ты бросала мужа.
- Да знаю я, что мне с подводной лодки – ни ногой! Но смогу ли я кого-нибудь к себе подпустить ближе, чем на пушечный выстрел? А с моим свободолюбием как быть?
- Ну, в этом я тебе не помощница – сама знаешь! У нас в доме жёсткий диктат мужа... Я бы даже сказала, домострой.
- И как ты это терпишь?
- А я и не терплю... Известно же: если не можешь изменить ситуацию, поменяй своё отношение к ней. Я вовсе не терплю мужа – я забочусь о нём, пытаюсь сохранить тёплые отношения, нашу семью... Меня удивляет другое: почему ты, при наличии собственного мужа, не наладишь с ним отношения? Почему ты его в постель обратно не уложишь?
- Ты же знаешь наши проблемы... Я простить его не могу, что он меня выгнал взащей, когда я попросила у него помощи. И это тот человек, которого я безумно любила. Что удивительно, и он меня любил безумно поначалу, но никогда не забуду, как приползла в горячке, в бреду к нему за помощью, а он меня вытолкал за дверь, как... Даже не подберёшь слова, как... Как прокажённую. Это было настолько отвратительное зрелище, что невозможно и вспоминать.
- А ты и не вспоминай. Забудь.
- Нет. Пока не получается. Иногда представляю себе мужчину рядом с собой... Сон, например, вижу. Вот передо мной единственный, любимый, которого ждала, может быть, всю жизнь... Но потом ужасаюсь, что в мужчине из сновидения вдруг проступают черты моего нынешнего мужа, превратившего не так давно нашу семейную жизнь в ад. Тут же пугаюсь своих мыслей, адресованных в пространство. А не влюблюсь ли я в собственного мужа, как раньше. Танец со смертью слишком притягателен... Тебе ли не знать! Свят, свят, изыди!.. Не нужны мне его объятия. И другие мужчины тоже не нужны, потому что чувствую последнее время, как тонкая кожа, прикрывающая раньше мою чувствительность и чувственность, исчезла, растаяла, испарилась... И если раньше я ощущала себя в этом безжалостном мире без одежды, то теперь случилась разительная перемена: я без кожи! И каждое прикосновение извне отдаётся болью...
- Да, Иришка, вижу, что у тебя всё слишком запущенно... А если попытаться с кем-то пересечься, влюбиться хотя бы ненадолго, может, тогда тебя и отпустит? Может, и обида на мужа пройдёт?
- Не знаю...
- Или займись чем-то... Пиши, опять же.

– Машуль, так в том-то вся и беда, что не пишется. Раньше я хоть в творчество с головой уходила. Помнишь, мы с тобой перезванивались? Мне тогда кое-кто посоветовал переключиться с моих любовных романов на исторические...

– Оттого, что они станут историческими, ничего не изменится. У тебя – не изменится. Они всё равно останутся про любовь. Только эпоха, антураж поменяется. Ты тогда по телефону спросила, кем тебе заняться из исторических персонажей. Помнишь, ты мне рассказывала о своей бабушке, Лукерье Золотой, которая жила в Питере на стыке прошлого и позапрошлого веков, во время Октябрьской революции?

– Конечно, помню, только это была не бабушка, а прабабушка. Невероятная личность! Сильная! Представляешь? У них чайная была на Лиговке в Питере – известный бандитский район, – так она от шантрапы отстреливалась, когда мужа забрали в армию, а их с детьми хотели ограбить. А одну из любовниц мужа она облила керосином и подожгла...

– Да-а-а... Сильна! Не в неё ли ты такая бунтарка?

– Может, и в неё. А с другой стороны, у меня и цыганская кровь есть, так что неудивительно, что я не могу никому подчиняться. Меня иногда удивляет, что цыгане ко мне никогда не подходят. К другим липнут, а ко мне – нет. Подчинилась я единственный раз в жизни – своему нынешнему мужу... И вот вам – плачевный результат: чуть жизни не лишилась. Теперь – ни за что!

– Опять ты меня с мысли сбила. Всё у тебя опять скатывается в обидки. Я про другое хотела тебе сказать: возьми за историческую основу личность, жившую в то время. Например, Сергея Есенина. Чем не тема?

– Я про мужчин писать не могу. Они для меня остаются существами загадочными, непонятными, неизведанными, действующими наперекор здравому смыслу. Особенно в любви. Или они вообще любить не умеют? Слухи иногда доходят про однолюбов, но я в них не верю. И нерешительные они, в смысле – мужчины... А если уж на что-то решаются, пиши пропало! Всех и похоронят!

– Так я же тебе и не говорю писать конкретно о Есенине, о нём все переисследовано и написано. Целые институты в советское время тему прорабатывали. В эти дебри лучше не соваться. Ты попробуй коснуться темы его жён, его женщин. Тебе это будет понятнее... И вплети, например, в повествовательную канву линию своей прабабушки Лукерьи Золотой. Одно имя её настоятельно требует включения в сюжет. Это надо же – «золотая»!

– Машуль, а это ведь действительно может быть интересно. Кстати, я теперь тоже золотая. Ты не знала? Моя фамилия во втором замужестве – Голдберг.

– Не знала. Я думала, ты Соломатина...

– Это моя девичья.

– Надо же! Мы с тобой столько знакомы, а ты ни разу не проговоришься...

– Видимо, повода не было. Мы же с тобой встречаемся в писательских кругах, где друг друга знают по псевдонимам. Я-то давно знала, что ты не Ветрова. А ты сама сейчас чем занимаешься? Я о твоей литературной деятельности. Как стихи? Пишутся?

– Стихи? Что-то не очень... Я последнее время баснями увлеклась.

– Сложная тема.

– Да. И очень увлекательная! Как и ты, книгу готовлю к изданию...

Но вернёмся к упомянутой судьбоносной встрече, которая перевернула на короткий отрезок времени представление Ирины Соломатиной о мужчинах вообще и о нём, конкретном, в частности. Так ей показалось вначале.

Ничего не предвещало глобальных перемен в жизни писательницы, но сразу после её апрельского дня рождения сложились строки:

Распахнула окно и впустила

*Шум прибоя и утренний бриз...
Просыпайся скорее, мой милый,
Мой неожиданный весёлый каприз.*

*Я смотрю на тебя, улыбаясь,
Оттого, что ты рядом со мной...
Ты – моя запоздалая радость,
Растревожил уютный покой.*

*Как ждала я тебя! Не поверишь...
Как звала в одиночества дни!
Вспоминая о прошлых потерях,
Я не чаяла счастье найти.*

*А оно в тишине постучалось,
Разорвав тягостность ночей...
Ты – моя запоздалая радость!
Ты – улада уставших очей!*

Это ли не предсказание? Это ли не ворожба?

Двенадцатого июня широко отмечался День России в том городе ближнего Подмосковья, где прошло Иренино детство. Иногда она приезжала туда в подаренную мужем квартиру, чтобы надышаться чистым воздухом и дальше жить в неутомной Москве, к которой успела прикипеть за последние годы второго замужества. Хотели с подругой Викторией, а по-простому – Викой, Викулей, Викушей, и её многочисленным семейством завалиться в ресторан по поводу праздника, но Викин муж внезапно захандрил, как это не раз случается с мужьями. Поэтому по местному парку Ирина с Викторией прогуливались небольшой компанией, взяв с собой детей-подростков. Те на самокатах умчались по асфальтированной дорожке вокруг озера, а подруги вдвоём не спеша гуляли по праздничному парку.

А посмотреть было что. На открытой танцверанде проходил концерт самодеятельных коллективов, на двух спортивных площадках резвились разновозрастные дети, а вдалеке, в старославянском лагере, народ развлекали фольклорной музыкой и потешными боями. Вика фотографировала всё подряд, выкладывая фотки в интернет на свою страницу онлайн.

Подруги остановились на высоком берегу озера, чтобы внимательнее рассмотреть ладью, спущенную на воду. Самую настоящую весельную ладью в русском стиле, только паруса с Ярилой-солнцем не хватало.

– Вот бы прокатиться! – сетовала Вика, охочая до любых развлечений. – Ириш, пойдём попробуем уговорить? Пусть даже за деньги. Хочется острых ощущений.

– Ну уж нет, – отвечала ей Ирина. – И так на улице прохладно, а там, наверное, ветер свищет. Я точно заболею.

– Давай всё же спустимся к воде, – не успокаивалась подруга.

– Викуль, охолопись! Нас дети заждались. Только что звонили. Они уже к выходу из парка подъехали. Нас ждут...

Так Ирина с Викторией препирались, стоя у дорожки, ведущей к импровизированному причалу. Впрочем, о причале можно было лишь догадываться, поскольку это место скрывалось от взоров раскидистыми вётвами. Вика, не получив поддержки у подруги, зацепилась языками с кем-то, разыскав знакомых среди празднично шатающейся публики, а Ирина стояла чуть поодаль и ждала, пока они наговорятся.

И тут навстречу поднимается от пристани господин Крестовский с девушкой под ручку. Ирина глазам своим не поверила: «Олег, Олежка! А вальяжный какой стал, раздобрел! Такими раньше купцов изображали».

Олег Крестовский – её давний знакомый, друг детства, которого Ирина не видела много лет. Правда, одна попытка возобновить дружбу по-взрослому была со стороны писательницы несколько лет назад, когда она впервые застала собственного мужа с любовницей. Обида выжигала всё нутро, и требовалось срочно загасить пожар. По совету подруг Ирина вспомнила про Олега. Но тот пришёл на назначенную встречу с той же невзрачной молодухой, что и сейчас, отрекомендовав её, как супругу. Зацепить, что ли, хотел? Показать, что у него всё в шоколаде? Не получилось. Тогда Ирина и не поняла толком, что это был за демарш, только посмеялась над выходкой Олега.

Мужчины – удивительные создания. Ещё понятно, когда они друг перед другом хвастаются молодыми жёнами, но перед другими женщинами... Смех, да и только! Уж женщины-то постарше понимают, какую головную боль на себя берут мужчины, выбирая в жёны молоденьких девчонок. Адюльтер со стороны слабой половинки неизбежен, поскольку редко кто из искалеченных приключений и обеспеченной жизни самоотверженно ухаживает за старым больным супругом. Забавно всё это наблюдать со стороны, и не более.

Теперь же реакция Олега на неожиданную встречу поставила Ирину в тупик: он во все глаза смотрел на неё как на... Ирина под этим взглядом и не знала, с кем себя, любимую, сравнить. Как на подарок судьбы или как на Святую Мадонну, что ли... Повисло неловкое молчание.

– Соломатина?! Это ты?

– Представь себе – я! Собственной персоной! Привет, Олежек! – приветствовала Ирина старого знакомого излишне бодро и весело, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. – Какие важные люди нарисовались! Переспрашиваешь, как будто и не узнаёшь старых знакомых. А это у тебя аккредитация? – и она ткнула небрежно пальцем в бейджик, висящий на груди.

Вика, которая тоже знала Крестовского со школьных лет, подскочила к нему с вопросом:

– Привет, Олег! Откуда у нас на озере такое чудо, такое сокровище вёсельное появилось? А покататься-то можно на ладье? Всем можно? Всех пускают?

– Привет, девочки! – отвечал он им вроде бы двоим, но смотрел только на Ирину. – Рад вас видеть. Да, можно покататься. Только там сейчас руководство города и района катается. Вон смотрите, на корме Татьяна Вениаминовна восседает, а рядом – новый мэр города.

– А разве у вас теперь новый мэр? – спросила Ирина, поскольку мало интересовалась перестановками в местной мэрии.

– А ты не в курсе? – удивился Олег. – И почему ты говоришь «у вас»?

– Да потому, что я давно живу в Москве.

– А после них можно прокатиться? Плату берут? – не унималась Вика.

– Конечно, берут, иначе бы там такое столпотворение было! От халявы никто добровольно не откажется. Приходится регулировать... Как вам праздник?

– Мне понравился, – вступила Ирина в разговор. – Мысль почти что гениальная: разбить славянский лагерь, а ладья – выше всех похвал...

Крестовский довольно заулыбался. Ирина сразу вспомнила эту странную улыбочку, которую он надевал и в школьные годы, напоминающую небезызвестного Чеширского Кота из «Алисы в Стране чудес».

– А мы с Иришей рассуждали: почему прокат лодок не сделают хотя бы по выходным, чтобы кататься? В этом году такое озеро полноводное! – перехватила инициативу Вика, не дав им толком поговорить.

– Это уже не наше дело. Наше – городской праздник устроить по высшему разряду.

– Да! Здорово! Нам понравилось! – похвалила затею Виктория. – А кто сегодня вечером на праздничном концерте зажигать будет?

Олег назвал всю программу. Ирина уловила лишь тех, кого знала: группу Стаса Намина и какую-то новомодную певичку. О последней как-то в разговоре упомянула дочь Маришка, которая наверняка обрадуется, узнав, кто участвует в концерте.

Потом повисла неловкая пауза... Со своей спутницей Олег их знакомить не стал. Или он их познакомил тогда, несколько лет назад? Ирина не помнила. Ну, не познакомил, и ладно. Не очень-то и хотелось.

– Как жизнь? – спросил Крестовский Ирину, улучив момент.

– Всё замечательно, – так писательница всегда отвечала малознакомым людям. А кто теперь для неё Олег? Очень давний знакомый, и не более того. – Вот с Викой и нашими детьми в ресторане собираемся от холода спрятаться. В том, что рядом с церковью... Чтобы концерт смотреть из окна, а потом и на салют оттуда же полюбоваться. Салют-то будет как всегда? С размахом?

– А как же! Всё будет!

Ирина знала, что сейчас они разойдутся, и опять она не увидит Олега много лет, потому что в основном жила в Москве. А так хотелось узнать больше, поговорить... Но девица рядом с Крестовским уже выказывала своё недовольство. Кто она? Жена? Боевая подруга, остающаяся в гражданском браке? А не всё ли равно? Это его жизнь.

– Ты где сейчас обитаешь? – спросила Ирина у Олега.

– Праздники устраиваю...

– Это я уже поняла. У Татьяны Вениаминовны, что ли? Я слышала случайно от своей подруги, что городская культура за проведение Дня Победы в прошлом году первое место по Московской области заняла.

– Откуда такие конфиденциальные сведения?

– А что, это большой секрет? Сорока на хвосте принесла!

– И всё же...

– Твоя Татьяна Вениаминовна причёски делает у того же мастера, что и я. Она ведь заседает, кажется, в здании у входа в парк?

– Да, там.

Весь недолгий разговор Крестовский буквально пожирал Ирину глазами. Если бы не присутствие спутницы, висевшей на сгибе его локтя немым укором, то он бы наверняка накинулся на подругу детства с объятиями и поцелуями. Его жена – или не жена? – недоумённо смотрела на всё происходящее, переводя удивлённый взгляд с Олега на неизвестную ей дорого одетую женщину, прикидывая в уме, кто бы это мог быть. Скандала затевать не было резона, а вдруг это богатая заказчица?

Спутница Олега Крестовского внимательно вслушивалась во вроде бы безобидный треп. Что уж она криминального почерпнула? Неизвестно, но женскую интуицию не проведёшь и не обманешь. Заподозрив неладное, Олежаина подруга обошла беззаботно болтающую троицу кругом, чтобы взглянуть на мужчину с противоположной стороны. А Крестовский на её маневр и не среагировал, будто в тот момент, кроме Ирины, никого и ничего рядом не видел.

«И вообще, что за новость – так пристально меня рассматривать с двух сторон: и Олег, и его подруга? Как под прицелом. В конце концов, это неприлично!» – с раздражением подумала Ирина.

Но в этот момент внезапно и очень удачно зазвонил телефон, и писательница услышала, как дочь Маришка заныла:

– Ма-а-ам, вы где? Мы тут уже заждались и замёрзли.

– Идите в ресторан, мы вас догоним...

Ирине с Викой ничего не оставалось, как прервать беседу, распрощаться и двинуться в сторону ресторана. При этом Ирине очень хотелось узнать впечатление подруги о странной встрече. Может быть, она выдаёт желаемое за действительное?

Когда разошлись в разные стороны, и Крестовский оказался на достаточном расстоянии, Ирина спросила Вику:

– Мне показалось?

– Ещё как не показалось! Рядом молодая девица стоит, а он глаз с тебя не спускает.

– Что бы это значило? Но, согласись, при любом раскладе – встреча, как по заказу. Я давно хотела задружиться с местными культурологами. Поработать, так сказать, на благо родного города. Там заправляет Татьяна Вениаминовна. Но в прошлый раз, когда я её выловила на каком-то мероприятии, она меня мягонько так отфутболила. Мол, идите со своими стихами и романами вдаль! В библиотеку, например, не пробовали? Короче – послала... А на кой чёрт мне эти мелкие библиотеки, пусть даже и районного масштаба? Это после Москвы и моих презентаций в Центральном доме литератора и в магазине «Библио-Глобус»? Уж не говоря о зарубежных творческих вечерах... Пусть местные поэты библиотеками промышляют, а мне как-то несолидно. Может, получится через Олега к Татьяне Вениаминовне подкатить. Перспективы поработать в Подмоскovie на поприще культуры интересны...

Но будет ли продолжение этой странной встречи? Ирина решила, что сама напрашиваться не станет. Достаточно прошлого раза, когда было так противненько на душе, будто в грязи вывалили. Честно сказать, ни о каком продолжении знакомства Ирина и не думала. О чём можно говорить, если жене Крестовского лет почти столько, сколько её старшей дочери Майе? Просто подумалось, что легче будет пробыть в культурной жизни города, заручившись старой дружбой, а то пылится недавно написанный сценарий дома. Никак Ирина до Татьяны Вениаминовны не дойдёт, только собирается, а из сценария хороший спектакль или мюзикл может получиться.

Вика и Ирина встретились на большой аллее парка с продрогшими детьми-подростками, которые в ресторан без них не пошли и теперь от холода приплясывали. Придётся трапезу начинать с глинтвейна, чтобы никто не разболелся. Маришка обрадовалась, узнав от мамы Иры, что в концерте примет участие раскрученная певичка, которую ей хотелось послушать вживую. Жаль только, что выход знаменитости надо ждать допоздна, почти до салюта.

Вся компания бегом ринулась в ресторан спасаться от заморосившего дождя... Вот его-то и не хватало для полноты картины, как будто недостаточно промозглого холода, стоявшего с первых чисел июня. Впрочем, это стало уже невесёлой тенденцией: начало лета больше походило на середину весны. А Ирине так хотелось ещё побыть около озера в парке после странной встречи. Ведь там прошло детство, там и с Олежкой гуляли после школьных уроков. И было им тогда... Сколько же им было лет? Но уж точно – меньше, чем сейчас Маришке. Вспомнилось вдогонку, что чаще встречи с Крестовским проходили на катке... Как же давно это было! Столько лет прошло. Будто и не с ней вовсе...

Ирина приоткрыла ресторанный окно, когда зазвучали песни, исполняемые группой Стаса Намина. Ностальгия по школьной юности, всколыхнутая из глубин памяти неожиданной встречей с Олегом Крестовским, вплеталась в мысли, в сознание... «Звёздочка моя ясная, как ты от меня далека...», «Мы желаем счастья вам, счастья в этом мире большом...» и лучшая советская песня всех времен и народов – «Колыбельная»: «Спи, ночь в июле только шесть часов...»

Они довольно часто встречались с бывшими одноклассниками, не реже раза в пять лет, стараниями Виктории, которая обзванивала всех заранее и напоминала по нескольку раз. Если бы не она, собрать разномастную публику было бы невозможно. Ирина на каждой встрече удивлённо выслушивала, что некоторые выпускники считают школьные годы лучшими в судьбе. Сама она так не думала, ведь её жизнь и после школы была насыщена таким количеством

событий, что о школьном детстве редко вспоминалось. Разве что после таких странных пересечений, как сегодня с Олегом Крестовским... Но как же он на Ирину смотрел! До сих пор мороз по коже.

А засидевшиеся за столом детки после ужина запросились гулять. Ирина с Викой расплатились и вышли на улицу, где перед оборудованной на городской площади сценой столпился народ. Хотя время близилось к одиннадцати вечера, но на июньском горизонте еще теплился закат, что не скажешь о воздухе. Стало ещё холоднее.

Молодёжь резвилась: кто пританцовывал в такт музыке, кто гонял на скейтах и самокатах, кто запускал в небо какие-то светящиеся пропеллеры. Несколько раз чуть не попали в Ирину с Викторией, приходилось увёртываться или отскакивать в сторону. Писательница потихоньку начала закипать от такой бесцеремонности, но певичка, которую ждали, так и не выходила на сцену. А когда она появилась... Лучше бы вовсе не появлялась на публике! После замечательных певцов её слабенький блеющий голосишко затерялся в пространстве, не достигая ушей. Стоило ли ждать, чтобы так разочароваться? Наверное, раскрученная продюсерами знаменитость привыкла разевать рот под фанеру, а вживую явно не тянула.

Маришка так расстроилась, что не стала дожидаться салюта, и они с мамой ушли домой. Ирина и не сопротивлялась, поскольку с трудом выдерживала такое скопление людей. Она немного отличалась от своего окружения, но не часто афишировала, что чувствительна к энергетике. Чем больше людей становилось на площади в ожидании салюта, чем плотнее сжимались ряды вокруг, тем ошутимее проявлялись негатив и агрессия, невидимые для окружающих. А ещё, когда Ирина смотрела на площади салют, ей всегда казалось, что вместе с пушечными залпами подпрыгивают на месте и дома, и церковь на пригорке...

Впрочем, салют они с дочерью комфортно наблюдали из окон своей подмосковной квартиры. Даже интереснее смотреть с высоты восьмого этажа на разрывающиеся в небе разноцветные огни, расположившись на балконе в ротанговых плетёных креслах, попивая ароматный чай с малиной...

Их в городе больше ничего не задерживало, поэтому на следующий день Ирина с дочкой Маришей уехали на дачу, что находилась в двадцати километрах от подмосковного города. Необходимо было привести её в порядок, ведь через месяц там предстояла съёмка телепередачи.

День прошёл в обычных дачных хлопотах, а вечером Ирину ждал сюрприз: телефонный звонок с неопределённым номером.

– Привет, Ириша. Узнаёшь?

– Привет.

Она, конечно, узнала голос, который за много лет не изменился, но была удивлена: откуда Крестовский взял её номер телефона? Не хранил же он его, как трофей, с последней встречи несколько лет назад. Или хранил?

– Я вчера тебя пытался разыскать во время концерта...

– А мы с Маришкой ушли пораньше, потому что дочь разочаровалась выступлением той самой певицы.

– И правильно сделала!

– Маришка так её ждала и так расстроилась, что салют мы смотрели с нашего балкона, откуда открывается прекрасный вид, и площадь со сценой – как на ладони.

– Нам вчера не удалось поговорить. Расскажи о себе. Чем ты сейчас занимаешься? Прости я знаю. Ты ведь дарила мне свою книгу...

– Я теперь и романы пишу. Вышло уже пять. А последнее время сценариями занялась, поскольку это реальные деньги, в отличие от романов. Хочется, чтобы любимое дело приносило хоть какой-то доход, что равносильно признанию заслуг на уровне госнаград. Для пробы написала сценарий «Скамейка». По-моему, получилось неплохо. Нет! Не так! Уверена: классно

получилось! Из него и мюзикл можно сделать при желании. Кстати, хотела отнести его Татьяне Вениаминовне, вашей главе по культуре, но всё как-то не могла повод найти, чтобы с ней сосотыковаться. Ты имеешь на неё реальные выходы?

– Так я под её непосредственным руководством и работаю. И в том же здании сижу.

– Правда? Вот здорово! Так мне тебя сам Бог послал. Может, поможешь в продвижении? Сейчас и в Москве началась движуха. Собственно, она никогда и не прекращалась, но я оказалась теперь некоторым образом в неё вовлечена. Сейчас на телевидении идёт битва за сценарии к сериалам. Есть, конечно, кое-какие тонкости, но до такого уровня я пока не дошла, хотя из любого моего романа легко вылепить сценарий хоть на шестнадцать, хоть на двадцать серий. А иногда мои читательницы просят написать продолжение к романам, так что количество серий можно увеличить при желании. Ты, как профессионал, мой сценарий не хочешь посмотреть?

– А он для фильма или для сцены?

– Можно по-разному. Но в том виде, в котором он существует сейчас, – скорее для сцены. Причём я и постановку придумала, и декорации. Просто, когда работала, это стояло перед глазами, как будто я в театре смотрю спектакль. Я же фантазёрка несусветная! А недавно была встреча с руководством одной небезызвестной телекомпании на Волгоградке. Я там отметилась, как сценарист. Организуется канал платного телевидения, и они всех собравшихся умасливали: мол, найдём применение каждому сценарию, только пишите и приносите. Но я им не доверяю. У них свои прикормленные сценаристы, а нас, неизвестных, они выжмут, да и вышвырнут за порог.

– Ты, может, удивишься, но именно ты-то мне и нужна сейчас со своими сценариями.

– Нужна? Это в каком же качестве? Будешь мои пьесы ставить?

– Нет, я тебе могу заказать сценарий мюзикла по определённой теме.

– Мюзикла? Неожиданно. И необычайно интересно! Тем более, что мой сценарий я себе в виде мюзикла тоже представила. А о чём тебе надо? Тему хоть намекни.

– При встрече – непременно! Мы ведь увидимся? Ты где сейчас обитаешь, в Москве?

– В данный момент мы с Маришкой на даче. Я в основном живу в Москве, но иногда бываю и в Подмосковье. Муж подарил мне квартиру в вашем городе, чтобы я могла встречаться с подругами и родственниками.

– Когда будешь у нас – позвони. Ириша, я очень буду ждать твоего звонка.

Для Ирины концовочка прозвучала не менее неожиданно, чем встреча с Олегом вчера на празднике. Да и весь разговор был достаточно интригующий. Особенно то, что касается сценария. После такой заманухи – звонить или нет? – вопрос не стоял. Что Ирина теряет от того, что созвонится и пересечётся с Крестовским? Или что обретёт? Она давно перестала терзаться подобными сомнениями, потому что уяснила: лучше сделать, чем упустить возможность, ниспосланную свыше.

Ведь писатели уверены: не бывает случайных встреч, всё предопределено. Если суждено пройти кусочек жизни именно с этим человеком, вне зависимости – другом он останется или нет, то это судьба, от которой не убежишь и не скроешься. Судьба везде достанет. Или это проверочка свыше: писательство – предназначение Ирины Соломатиной, или она его с лёгкостью променяет на любовь мужчины? Стоит ли игра свеч?

Под утро, самое продуктивное время размышлений, а иногда – и писательских открытий, и откровений иже с ними, Ирину начали терзать сомнения: «Зачем мне это? Зачем ворошить прошлое? Что Олег Крестовский, мой бывший мальчик из детства, может изменить? Чем и как он сможет приукрасить мои будни? Детская влюблённость случилась настолько давно, что будто бы и не со мной вовсе. Честно сказать, я его почти не помню в моей школьной поре. Да и не вспоминаю я с ностальгией школьные годы, как некоторые, застрявшие в детстве навсегда. Столько воды утекло! Или на воспоминания наложились более поздние мои влюблённости?»

Почему-то первым своим серьёзным увлечением Ирина считала всегда Вовку Даренко. Вот тогда точно – страсти кипели нешуточные. Случилось это в её шестнадцать лет... Пусть земля ему будет пухом! Нет его давно. Говорят, что Вовку отстрелили свои же братки... Слухами земля полнится. Ничего удивительного, ведь перед своим исчезновением он плотно сидел на герыче... На героине то есть. Видок перед исчезновением у Даренко был просто жуткий.

Ирина помнила их последнюю встречу. Помнила, как отшатнулась от окликнувшего её лысого, страшно худого мужика с ввалившимися щеками. Она узнала своего бывшего возлюбленного только по глазам...

– Как у тебя дела? – спросил Вовка.

А Ирина дар речи потеряла, потому что от жизнерадостного качка, с которым она встречалась в школе, а потом пересеклась после развода с первым мужем, в перестройку, осталась только тень.

– У меня всё хорошо. Выхожу через месяц замуж, уже заявление в загс подано, и переезжаю жить в Москву, – поспешила отчитаться Ирина, чтобы отгородиться стеной и прекратить любые поползновения в её сторону.

Девушке было стыдно находиться рядом с бывшим возлюбленным. А на них уже оглядывались: роскошно одетая красавица беседует с законченным наркоманом, стоящим уже не одной, а двумя ногами в могиле. Ирина всерьёз его испугалась, хотя знала наверняка, что ничего плохого Вовка ей никогда не сделает. Но нарики – это уже не совсем люди.

– Ты хоть его любишь? – спросил Даренко.

– Будущего мужа? Конечно, люблю, иначе бы я за него замуж не выходила, – ответила Ирина полушёпотом, опустив глаза в пол, будто совершала святотатство, ведь она знала, что Вовка любил её всегда.

Или девушка опустила глаза, чтобы не видеть столь разительной перемены в нём? А Вовка взял её за подбородок и заглянул в лицо, будто прощаясь. Только она не догадывалась, что видит Даренко в последний раз.

– Я рад за тебя. Будь счастлива, – сказал он, как напутствие, и быстро вышел из магазина.

Подруги Ирины, оставшиеся жить в городе детства после школы, рассказывали ей, что все Вовкины любовницы походили на неё, как две капли воды. Только зачем ей это знать? Разве что – потешить самолюбие. Ведь никто не бросался на помощь Ирине ни много лет назад, ни сейчас, никто не прикрывал её собой в трудную минуту, и поэтому какая разница, чьи там любовницы и на кого похожи. Мужчины – странные существа, не с планеты женщин, с другой планеты. Не потому ли писательнице до сих пор приходится разжёвывать мужу в его недолгие приезды в Россию каждую произнесённую фразу, иначе он понимает её с точностью наоборот?

А в юности в Ирину были влюблены полшколы. Проводить её до дома и поднести портфель каждый из мальчишек почитал за счастье. Где вы, провожатые? Куда подевались? Только большинство прежних девочек из Советского Союза никаких вольностей себе не позволяли, кроме поцелуев. Ирина относилась к их числу, хотя порой вела себя «на людях» несколько вызывающе, что рождало кучу нелепых слухов и перетолков. Она интуитивно прикрывала нахрапом, а иногда и открытым хамством, свою уязвимость и незащищённость в полубандитском подмосковном городке. И лишь значительно позже Ирина поняла, что эта уязвимость свойственна тонко чувствующим натурам. Кто же знал тогда, что в ней родилась поэтесса, а в будущем – романистка?

Давно это было. Наверное, в прошлой жизни... Или в позапрошлой?

Оказавшись через неделю в подмосковном городе, Ирина позвонила Олегу, который пригласил её прийти к нему на работу. Странное свидание... Не находите? Или это и не свидание вовсе, а деловая встреча сценариста с режиссёром?

Дочь Мариша гостила у отца в Германии, а посему Ирине не пришлось врать, куда направляется её мамочка, на какую-то встречу. Да и о чём врать-то? Никакого продолжения не намечалось.

«Ну, сходим в ресторан, – размышляла писательница. – Повспоминаем всласть школу и наши прогулки при луне... И на этом, видимо, закончим».

Тем не менее, перед дочерью светиться почему-то не хотелось, сохраняя хотя бы видимость чистых отношений между мужчиной и женщиной в том виде, в котором Ирина сама предпочитала их рассматривать. Хотелось возвышенных чувств, возвышенных отношений...

Ирина и в свои сорок пять лет оставалась непревзойдённой идеалисткой и максималисткой, как шестнадцатилетний подросток. Ей всегда всего было мало: мало любви, мало заботы, мало проявляемых к ней чувств, потому что сама отдавала любимому мужчине всю себя до последней капельки крови. За это её мужчины и ценили, и любили не менее сильно, чем она, но жить рядом с такой максималисткой было невозможно. Ирина и сама понимала это.

ЕЁ БЫЛО СЛИШКОМ МНОГО. КАК И ЕЁ ЛЮБВИ – БЕСКРАЙНИЙ ОКЕАН, КОТОРЫЙ УТОПИТ, ЕСЛИ НЕ БУДЕШЬ ОТДАВАТЬ СТОЛЬКО ЖЕ ВЗАМЕН. А МУЖЧИНЫ НА ТАКОЕ НЕ СПОСОБНЫ. ОНИ ВСЕГДА ОСТАВЛЯЮТ ЧТО-ТО ДЛЯ СЕБЯ.

Супруг, уставший в какой-то момент от непомерных, на его взгляд, запросов жены, постоянно твердил: «Будь проще». А запросы-то эти были вовсе не материальными, а духовными. Ирина хотела любви и никогда не просила каких-либо роскошеств. Все подарки муж преподносил по собственной инициативе, и даже не к круглым датам. А они были один другого круче... Откупался, что ли? На своё пятидесятилетие, например, он подарил Ирине золотое кольцо с бриллиантами и сапфирами... Но это было в счастливый период супружеской жизни, возврата к которой нет и быть не может, потому что она ничего не хочет упрощать. И прощать тоже не хочет.

«Хочу любви! – говорила мысленно Ирина любимому когда-то мужу. – Хочу ярких красивых отношений! И считаю, что вполне их заслужила. А грязь по постелям собирать... Зачем?»

Но вернёмся к странному свиданию, назначенному Олегом Ирине на работе, которая, к слову сказать, располагалась в нескольких минутах ходьбы от её подмосковной квартиры. Крестовский назначил встречу днём. Ирина уже собиралась выйти из дома, как за окнами ливанул тропический дождь. «Разверзлись хляби небесные над головами грешников», – по-другому и не скажешь. Или провидение подавало знак – остановиться?

«Глупости! – подумала расхрабрившаяся не на шутку Ириша. – Что Олежка меня – съест?»

Но, не пройдя и десяти шагов от подъезда, балансируя зонтом, она поняла, что потоки воды, проносящиеся с шумом вдоль тротуаров, не преодолеть. Ирина зачерпнула бы полные кроссовки и потом сидела бы с мокрыми ногами. Недолго раздумывая, она набрала телефонный номер Олега:

– Привет. Это я. Ты на машине? – Ирина же не знала, водит ли Крестовский машину или ездит на работу на общественном транспорте.

– Да, – услышала она краткий ответ.

– Я уже вышла из дома, но поняла, что мне до тебя не доплыть. Тут такой дождина! Ты не подъедешь к торговому центру рядом с моим домом? Я буду ждать тебя на ступенях.

– Сейчас подъеду, – услышала она в ответ и встала под козырёк.

Олег появился минут через десять на джипистой машине, в которую так трудно забираться женщине. Муж Ирины тоже предпочитал шкафы на колёсах. Причём, чем больше шкаф – тем лучше. Обычно этим комплексом страдают невысокие представители сильной поло-

вины человечества... А почему другие передвигаются на джипах? Ирина не сильно задумывалась, хотя дочь Маришка высказалась недавно, что собирается после восемнадцати лет водить исключительно джипы. Пусть с отцом решают эту проблему. Но Ирина порадовалась: за дочь ей будет гораздо спокойнее, если Маришка освоит джип, а не станет рассекать по Москве на двухдверной хрупкой букашке.

Сейчас в московском гараже пылился отцовский огромный Нисан Пафайдер, который Маришка и рассматривала, как первый свой автомобиль через полтора года, когда получит права на вождение транспортных средств, пройдя в гимназии вождение, подкреплённое теорией. У них это официальный урок. А почему Пафайдер пылился? Да потому, что муж Ирины пользовался машиной только в свои нечастые посещения столицы России, прилетев из Европы. Его бизнес предполагал постоянные перемещения по миру, и в какой-то момент супруг решил «упростить» своё существование, обзаведясь ещё одной семьёй в Берлине. Но это совсем другая история...

А во время московских вояжей, подъехав к дому на джипе, муж обычно наблюдал за Ириной со стороны, как за подопытным кроликом, пока она устраивалась на переднем сиденье машины-Пафайдера. Нет бы помочь, руку подать, открыть дверь, посадить... Об этом не было и речи!

Похоже, с Олегом та же история и те же проблемы... Или это беда всех водителей джипов? Сейчас Крестовский за Ириной так же, как и её муж, пристально наблюдал с высоты своего водительского сиденья, а чувствовала она себя при процедуре усаживания неловко перед чужим человеком. Отстранённость и непринуждённость давались нелегко, несмотря на то, что Ирина физически развитый человек. Наконец-то угнездилась, избегая двусмысленных фраз, объятий и поцелуев, хотя подобные приветствия вполне в духе творческих людей. Ведь они оба – творческие, надо понимать...

Подъехав к работе, Ирина с Олегом вышли из машины. Она и раньше знала, что в этом здании заседает местная «культура», но не входила туда ни разу, хоть порывалась. Не любила Ирина старые, доживающие свой век постройки, от которых веяло тленом и запущенностью, как их ни ремонтируй и ни облагораживай. Своего кабинета – слава Богу! – у Олега не оказалось, а около входной двери его поджидала странная облезлая девица, похожая на моль. Крестовский её поприветствовал, и они, уже втроём, двинулись в сторону общей комнаты.

Наступил обеденный перерыв, поэтому в помещении, перегруженном письменными столами, почти никого не было. Втроём расположились вокруг Олежиного рабочего места, заваленного бумагами. Ирина привыкла к крутым офисам, а здесь всё было... Как бы помягче сказать? Не комильфо! Её любимое выражение вполне обрисовывало общую картину. Отметила для себя, что и компьютер у Крестовского – так себе, старенький. А что она хотела от муниципального заведения?

И начался чисто рабочий разговор о каком-то предстоящем выездном фестивале на лоне природы, который должен проходить через месяц. В основном беседовали Крестовский и девушка-моль, а Ирине отводилась роль стороннего наблюдателя их милого воркования...

С подругой детства Олег говорил о постановках шоу вообще и об открытии ежегодного культурного сезона в ноябре в частности, к сценарию которого Ирина могла бы приложить руку вкупе со своими драгоценными – не боясь этого слова! – мозгами. На одном таком «открытии» она однажды побывала. Так, ничего особенного, что-то вроде капустника, за исключением того, что Татьяна Вениаминовна лично завершала выступление самодеятельных коллективов исполнением классического произведения за роялем. Это приятно удивило: не каждый деятель культуры может исполнить классику. Но каким боком сама Ирина окажется вовлечённой в процесс? И в каком качестве? И нужна ли ей эта головная боль?

Свой сценарий «Скамейка» Ирина прихватила с собой и вручила Крестовскому, когда рассаживались за столом, но он небрежно бросил его в кучу бумаг, что красноречиво говорило:

Олег на него и не взглянет в ближайшее время. А жаль! Ирине интересен взгляд профессионала...

Если бы не страстно откровенные взгляды Олега, бросаемые иногда в её сторону, Ирина почувствовала бы себя в этой ситуации немного неловко, ведь девушка-моль выпрыгивала из своей невзрачной оболочки чуть ли не в объятия Крестовского, что вызывало некоторое подозрение о существовавших между ними близких отношениях. Хорошо, что Ирина человек нервнивый.

И вообще: всё походило на какой-то сюр. Писательнице подумалось: «И куда это опять меня занесло из моей вполне обеспеченно комфортной и причёсанной жизни? Что за нищество такое?»

Олег решил наконец переключить своё внимание на Ирину и рассказал, что мюзикл будет заказной, на тему революции. Ведь в этом году исполняется девяносто пять лет этому событию.

«Интересно, а как будет отмечаться столетие? Выносом тела Ленина из Мавзолея? Или демонстрацией трудящихся на Красной площади с кумачовыми транспарантами и стягами а-ля Маяковский? Кстати, это вполне можно внести в сценарий... Да, за основу можно принять знаковые, узнаваемые на раз символы революции», – мозг Ирины включился независимо от того, придут ли они с Олегом к единому знаменателю, чтобы поработать вместе над сценарием мюзикла.

Интересно, кто заказчик? Олег в телефонном разговоре с Ириной обмолвился о существовании заказчиков... Уж не коммунисты ли? Ничего против них Ирина не имела. Её папа долгие годы был секретарём партийной организации одного НИИ, но... Тема революции Ирину сразу насторожила, поскольку отношение к Великой Октябрьской у нынешних россиян неоднозначное в свете открытых архивов.

Да что говорить, для самой Ирины потрясения начала прошлого столетия, мягко говоря, выглядели чернушно. В особенности после того, как она занялась архивами своей семьи и выяснила, что её двоюродный прадед, голоштаный красноармеец, застрелил прилюдно своего родного брата-меньшевика всего лишь за глупую и нелепую шутку, отпущенную в его сторону.

Хорошо, что это дикое событие не затронуло Ирининой прямой генеалогической ветви, а то бы проклятье вдовы аукалось на близких родственниках и век спустя. А по маминной линии прабабушке Лукерье Золотой с мужем Гаврилом перед Октябрьской революцией 1917 года пришлось бросить налаженное хозяйство – чайную на Литовском проспекте в Питере – и драпать в деревню под Тулой. Но на этом их злоключения не закончились: по вине родного брата Гаврилы, убеждённого большевика, они лишились всего успешно вывезенного из Северной столицы имущества. Так что к революционным переменам в семье Ирины особый счёт, хоть и не высказываемый вслух. Но Ирининых родственников хотя бы обошли репрессии, коснувшиеся чёрным крылом семьи её супруга, проживающего сейчас в Германии.

Олег начал рассуждать о сценарии и сказал, что хочет поставить во главу мюзикла строку из песни Виктора Цоя: «Перемен, мы ждём перемен!» И закрутить сюжет вокруг этой фразы. Ирине сразу вспомнилось, что в песни Цоя влюблена старшая дочь Майя, но для самой Ирины тексты спорны. Перестроечное поколение наркоманов она не понимала: как можно так бездарно гробить свою жизнь? Но сейчас звучала неоднозначно строчка из песни: «Перемен, мы ждём перемен!» Кто и каких перемен ждёт? Может, для мужчин и необходимы постоянно какие-то глобальные перемены, революции и войны, но для беспартийных обывателей вроде Ирины нужна стабильность в жизни. Их поколение и без того окунулось в тухлую водицу перестройки по горло.

Но, как ни странно, тема революции для Ирины оказалась особо актуальна и близка сейчас, поскольку последние месяцы писательница занималась сбором материалов о Зинаиде Райх, жене Сергея Есенина, а потом и Всеволода Мейерхольда.

Противоречиво и полярно противоположно подавались одни и те же факты биографии Райх, перетаскиваемые, перекопируемые далёкими от литературы людьми, эксплуатирующими известные имена лишь для увеличения числа собственных подписчиков на страницах интернета. Поэтому Ирине пришлось серьёзно пройтись по первоисточникам. Но понятнее личность Зинаиды Николаевны так и не стала, поскольку любые суждения по прошествии почти века субъективны.

Конец XIX и начало XX века, Зинаида Райх. Одесса, Бендеры, Питер

Как много написано о Зинаиде Николаевне Райх, и как мало написано правды, если за дело брались мужчины, трактующие поступки женщины со своей точки зрения, со своей колокольни, полагаясь на мужской ум, мужскую логику и мужские поступки. Особенно же постарались современники. Один только «Роман без вранья» Мариенгофа, полный яда и желчи, чего стоил вкупе с его же мемуарами «Мой век, мои друзья и подруги»!

На многих интернетовских сайтах мужчины, брызжа слюной, клеймили Райх позором за красоту и успешность, забывая, через какие круги ада пришлось пройти женщине, чтобы обрести эту самую успешность и призрачное благоденствие. Другие современники, не враги и не завистники, воспринимали Зинаиду Райх как красавицу, умницу, блистательную женщину, по праву занявшую свое место и сумевшую найти себя в новой власти. Ведь Райх сама, без чьей-либо помощи, сделала успешную карьеру, занимая ответственные посты, и была близко знакома с Луначарским, Крупской, Маяковским.

Долго имя Зинаиды Райх не звучало рядом с Сергеем Есениным, поскольку было неудобным. Зачем замечательному крестьянскому самородку, обогретому советской властью, столь некрасивое пятно в биографии, как женитьба и венчание с дочерью дворянки? Да и многолетняя левоэсеровская деятельность Зинаиды до замужества не украшала жизненный путь поэта.

Зинаиде Райх довелось жить в конце XIX и начале XX века. Время – страшнее не придумаешь! Неустроенность, состояние войны и репрессий, голод, разруха. Как выжить? Как рожать и воспитывать детей? Немногие женщины отважатся на такой шаг. Но когда любишь, когда ждёшь ребёнка от любимого человека – а это главное предназначение женщины, – не думаешь ни о чём другом, как подарить ему это сокровище, зарождённое и раскрывающееся в тебе, как бутон необыкновенного сказочного цветка... Чтобы подарить возлюбленному... А он бросает в лицо упрёк, что ребёнок не от него...

Жизнь перестаёт иметь всякий смысл. Сердце разрывается на части, а женщина живёт с этой болью только потому, что у неё на руках малыш. А есть и ещё один ребёнок от любимого, живущий с её родителями в Орле и требующий не меньшего внимания. И женщина не имеет права быть сломленной, она не может из-за детей даже покончить с собой, хотя родилась на свет с чувственной обнажённостью, свойственной необыкновенным личностям, единицам среди охолтелой толпы.

Зинаиду Райх, по его собственным словам и по свидетельству современников, Есенин любил больше всех остальных своих женщин. Она же – единственная венчанная с Сергеем Есениным, а значит, по тем временам – единственная законная жена, но её имя не так часто упоминается в биографии Есенина и в мемуарах. Тем, кто поверхностно касался есенинской темы, Райх и вовсе остаётся неизвестной. И хочется воскликнуть: «Как же так?!» Ещё при Сталине её имя было вымарано из жизни крестьянского поэта Есенина после 1939 года, когда актрису убили.

Дочь Татьяна Есенина считает, что имя матери, Зинаиды Райх, «редко упоминается рядом с Есениным, поскольку в годы революции личная жизнь поэта не оставила прямых следов в его творчестве и не привлекала к себе пристального внимания».

Вместе с тем Зинаиду Райх называли одновременно и «демоном, играючи разрушившим жизни двух гениальных мужчин, и музой Есенина и Мейерхольда, дурнушкой и неотразимой красавицей, великолепной актрисой и бездарностью», нагромоздив вокруг её имени ничем не подкреплённые домыслы.

Зинаида Райх родилась 21 июня 1894 года в селе Ближние Мельницы под Одессой в семье железнодорожного машиниста немецкого происхождения Николая Андреевича Райха и дворянки из обнищавшего рода Анны Ивановны Викторовой, рано потерявшей родителей, но происходившей из семьи культурной и образованной. Николай Райх, выходец из Силезии, был моряком, пароходным и паровозным машинистом, а в дальнейшем – высококлассным механиком и отличным слесарем. По политическим убеждениям – социал-демократ, член РСДРП с 1897 года, дважды находился в ссылке в Сибири ещё до встречи с Анной Ивановной. Именно увлечение отца политическими течениями повлияло роковым образом на судьбу старшей дочери Зинаиды Райх, повзрослевшей слишком рано.

В 1907 году из-за участия отца в революционных событиях семью высылают из Одессы. Они обосновались в Бендерах, где отец устроился слесарем в железнодорожные мастерские. Зинаида поступила в гимназию для девочек, но, окончив восемь классов, не получила аттестата об окончании – подумать только! – по политическим мотивам. Ещё гимназисткой Зинаида Райх организовала в Бендерах среди местной молодёжи кружок эсеровского толка, связанный с одесскими эсерами, и получала из Одессы «брошюры преступного содержания». За ней – гимназисткой! – было установлено наружное наблюдение. В донесениях она проходила под кличкой Болотная. Когда полицейские нагрянули с обыском, то изъяли переписку с одесским подпольем и собирались возбудить уголовное дело. Зинаиде Райх было семнадцать лет!

Пришлось срочно уезжать в Киев, где она с 1913 года стала членом Партии социалистов-революционеров (эсеров). В отличие от отца Зинаида выбрала партию экстремистскую, делавшую ставку на террор. И даже усмотрев в этом поступке юношеский максимализм, непонятно, куда смотрели родители. Такое при любой демократии дико: идти против власти в столь юном возрасте. Однако из-за этих событий Зинаиде в дальнейшем пришлось жить отдельно от семьи и надеяться только на себя.

Анне Ивановне, переживающей за старшую дочь, с трудом удалось выхлопотать свидетельство о среднем образовании, после чего Зинаида отправилась в Петроград вместе с отцом, Николаем Райхом. Но вскоре он оставил дочь в столице одну, поскольку они с женой вынуждены были опять переехать на новое место жительства, в город Орёл, к старшей сестре матери. Не потому ли возникла острая необходимость в срочном переезде родителей, что уголовное дело в отношении Зинаиды всё же было возбуждено?

Когда девушка осталась в Петрограде одна, то поступила на Высшие женские историко-литературные и юридические курсы Раевского, где кроме изучения основных дисциплин брала уроки скульптуры и совершенствовалась в иностранных языках, ведь она с детства знала помимо русского – немецкий, французский и латынь.

Немецкая педантичность, унаследованная от отца, помогла после окончания учёбы быстро найти работу, чтобы стать материально независимой от родителей. В 1917 году после Февральской революции и легализации партии эсеров Зинаида устроилась на хорошо оплачиваемую должность – помощником секретаря редакции левозэсеровской газеты «Дело народа», а не просто секретарем-машинисткой, как трактуют некоторые мемуаристы. Одновременно Райх была председателем Общества по распространению пропагандистской литературы.

Из воспоминаний Татьяны Есениной: «Среди её подруг были побывавшие в тюрьме и ссылке».

В редакции «Дело народа» располагалась и художественная библиотека, куда часто заходил близкий в то время к социал-революционерам Сергей Есенин. Книги выдавала эсерка Мина Свирская, за которой Есенин ухаживал.

Э. Гетманский пишет: «Зинаида Райх появилась в жизни Сергея Есенина во время завоевания им модных литературных салонов... Деловая и бойкая эффектная красавица, окружённая поклонниками, быстро вскружила голову молодому и модному поэту».

Что же можно отнести к «завоеванию модных салонов»? В молодом Есенине было много всевозможных крестьянских предрассудков, но известная в народе хитреца имела же. Начинаящий поэт предстал перед столичной публикой в образе простодушного деревенского паренька, но ни наивности, ни простодушия, по словам Мариенгофа, в нём не было. Есенин жаждал литературного успеха и, добывая славу и признание, вёл тонкую игру.

«Не вредно прикинуться дурачком, – говорил поэт. – Шибко у нас дурочка любят. Каждому надо доставить удовольствие. Пусть считают, это я его в русскую литературу ввёл. Им приятно, а мне плевать...»

Появление смазливенького паренька со стихами в 1915 году могло пройти незамеченным, если бы Есенин не оказался в нужное время в нужном месте. Война с Германией и Австро-Венгрией способствовала усилению интереса к молодым людям «от сохи».

Из воспоминаний С. Городецкого: «Стихи Есенин принёс завязанными в деревенский платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Серёнька опять читал стихи. Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица. Он был очарователен со своим звонким озорным голосом, с барашком выющихся льняных волос...»

Горецкий упоминает, что «Есенин того периода жизни подчинил всего себя писанию стихов. Для него не существовало никаких ценностей в жизни, кроме стихов, а все выходки вызывались только желанием заполнить пустоту от одного стихотворения до другого». Но именно с лёгкой руки Городецкого Есенин на первом же чтении стихов был обряжен не во фрак, как предполагалась изначально, а в голубую рубаху.

Максим Горький «впервые увидел Есенина в Петербурге с Клюевым... Кудрявенький и светлый, в голубой рубашке, в поддёвке и в сапогах с набором, такие чистенькие мальчики из тихих городов, там видишь их приказчиками... Позднее, когда я читал его размашистые, яркие, удивительно сердечные стихи, не верилось, что пишет он».

Весной 1917 года Есенин пришёл в редакцию «Дело народа» со своим приятелем – начинающим поэтом Алексеем Ганиным, который захотел похвастать невероятной красотой своей невесты Зинаиды Райх. Вскоре намечалась их помолвка, но после знакомства Есенин зачастил к Зиночке, оказывая ей всяческие знаки внимания. Она же не спешила порвать отношения с Ганиным. Из мемуаров: «Позднее их втроём часто видели гуляющими по Петрограду. Поэты читали друг другу стихи, спорили, а Зинаида высказывала своё мнение».

Любовь к Зинаиде, самая сильная в жизни Есенина, возникла не сразу. Если проследить хронологию увлечённостей поэта разными женщинами, то, будучи уже знакомым с Райх, Есенин уезжает в родное село Константиново и вступает в серьёзные отношения с дочерью местного помещика Лидией Кашиной, которая была старше его на десять лет, ставшей впоследствии одним из прототипов Анны Снегиной в одноименной поэме. А вернулся в столицу поэт во второй половине июля.

Из воспоминаний Татьяны Есениной: «Весной 1917 года Райх жила в Петрограде одна, без родителей, работала в редакции газеты «Дело народа». Есенин печатался здесь. Знакомство состоялось в тот день, когда поэт от нечего делать разговорился с сотрудницей редакции».

Сотрудницей и была Зинаида Николаевна. С левоэсеровскими издательствами Сергей Есенин в 1917 году сотрудничает плотно и публикует у них в разных изданиях около 60 стихотворений и маленьких поэм, таких как «Марфа Посадница», «Товарищ», «О Русь, взмахни крылами».

Поэт пишет о себе: «В революцию покинул самовольно армию Керенского и, проживая дезертиром, работал с эсерами не как партийный, а как поэт». То есть на момент знакомства с будущей женой Сергей Есенин был дезертиром, которому приходилось прятаться от властей.

По другим источникам, Есенин пришёл в редакцию «эсеровской газетёнки» вместе с другом – поэтом Ганиным, таким же бездомным и неприкаянным. Сердобольная Зинаида позволила переночевать на конторских стульях.

Можно выбрать любую из версий, но знакомство состоялось именно весной 1917 года, и этот факт неоспорим. Сергею Есенину – 23 года, Зинаиде Райх – 22 года. Она смешлива и жизнерадостна.

Сохранился снимок, датированный январём 1917 года, на котором она женственна, классически красива. Но в семье Райхов почему-то постоянно подчёркивалось, что Зина не так красива, как её подруги. Возможно, имела место отцовская ревность к любимой дочери. А возможно, что оба родителя хотели таким наивным способом уберечь красавицу-дочь от мирских соблазнов. Но уж если красота дана с рождения, говори не говори, а достаточно взглянуть в зеркало.

Известно, что вскоре после знакомства Есенин подарил Райх свою фотографию с надписью: «За то, что девочкой неловкой предстала ты мне на пути моём. Сергей». Что говорит о том, что Есенин не разобрался в будущей жене, которую вряд ли можно назвать «девочкой неловкой». Он приписывал ей черты характера, свойственные «тургеневским барышням», ставшим к тому времени для поэта эталоном красоты и женственности...

2012 г., Подмосковье

Ирина Соломатина действительно увлеклась изучением жизни Зинаиды Райх. Сначала по совету подруги-поэтессы Марии Ветровой она окунулась в революционную эпоху по творчеству Сергея Есенина, перелопатила страницы его биографии, пересмотрела некоторые художественные фильмы, а потом уже переключилась на биографию его жены Зинаиды Райх. И настолько увлеклась, что отмахнуться уже не получалось.

Но вернёмся от революционных потрясений прошлого столетия к нынешним реалиям. Ирина сейчас сидела за рабочим столом Олега Крестовского и рассуждала о собственном понимании революции:

– Столь неоднозначное событие необходимо рассматривать весьма аккуратно в свете новых архивных открытий, чтобы не задеть чувства пострадавших людей. У вас же там, на открытие сезона, собирается не прогрессивно настроенная молодёжь, а чиновники от культуры да бабульки с внуками, которых они на различные кружки водят, ведь родители в это время работают. Так что и репертуар для открытия сезона нужно подбирать соответственный – спокойный, безо всяких там перемен.

И оттого, что тема очень сложная, Ирине хотелось быстрее начать работу над сценарием. Просто руки чесались от творческого зуда! Но тема...

На пороге писательских восхождений её муж категорически запретил лезть Ирине в политику, тем более, что его бизнес предполагал частые переезды не только из Европы в Россию и обратно, но и поставку оборудования с других континентов. Позднее Ирина осознала, насколько это было мудрое решение, и старалась придерживаться его.

Олег с Ириной после встречи на работе прогулялись по парку и, расставаясь, решили вечером поужинать вместе. Почему бы нет?

Неожиданно встретившаяся неделю назад парочка пересеклась тем же вечером около ресторана вблизи Иринино дома, откуда Крестовский её забирал днём на машине. Это было излюбленное место встреч писательницы с друзьями, поскольку здесь можно перекусить по-итальянски, насколько может быть «итальянской» еда в русском ресторане. Мало того, что сие заведение находилось в шаговой доступности, Ирине оно нравилось ещё и потому, что открывались чудесные виды окрест из окон-витрин от пола до потолка. Она же не знала, как пройдёт беседа тет-а-тет, ведь они с Олегом не вели дружеских бесед с юности.

«Может, мы замкнёмся каждый в себе... Тогда самое время – смотреть в окна и комментировать с умным видом городские пейзажи», – рассуждала она, выбирая место для ужина.

Кроме того, в этом ресторане не было мягких диванчиков, располагающих к резкому сближению, чего Ирине на данном этапе вовсе не хотелось.

Удивительно, что двое разведённых судьбою на тридцать лет человека остались друг другу интересны через столько времени. Или они постоянно пополняли себя знаниями, жизненными переживаниями, судьбоносными решениями настолько, что становились с каждым годом только интереснее для окружающих? Но им было, на удивление, легко и хорошо вместе. Ирина ничего не знала об Олеге за эти годы, да и не пыталась выяснять. У неё хватало в жизни и без него проблем, особенно в последнее время. Перед выходом посмотрев на себя в зеркало и улыбнувшись своему отражению, Ирина решила не ворошить осиное гнездо, то есть постараться не касаться острых углов, не плакаться на жизнь, но... Не получилось...

Для начала была выбрана самая лёгкая и нейтральная тема для беседы. Они пустились в далёкие воспоминания, обсуждая бывших одноклассников, кто и где теперь устроился и обособился. Ирина рассказывала о своих вечерах встреч выпускников, проводимых Викторией, Крестовский – о своих. Олег вспомнил многих девчонок и ребят из Иринино класса, а она не

могла похвастаться тем, что кого-то помнит из его. Писательница и своих-то школьных друзей помнила с трудом. Да, фамилии на слух были вроде знакомы, но не вызвали зрительных восприятий, как будто ударялись о стену прожитых лет, отделяющих от юности.

– Мы с одним моим одноклассником устроили грандиозное празднование 25-летия окончания школы, – рассказывал Олег.

– Но ты ведь не заканчивал десятый класс со всеми и наверняка даже на школьном выпускном не был.

– Ну и что? Не был. Причём в то время даже и не стремился попасть на выпускной школы. Когда поступил в техникум, тамошняя жизнь, новые друзья, знакомые захватили настолько, что о школе я и не вспоминал. И только много позже понял, что самые близкие друзья остались именно в школе.

– Да. Согласна. Мы ведь так и остались дружить втроём: я, Вичка и Тамара.

– Так вот, о том вечере встреч выпускников, который я готовил: даже наша звезда, жена думского заседателя, приезжала с охраной на наш вечер.

– Неужели сподобилась? Но мне кажется, что приезжать с охраной – это перебор. Неуважение к школьным друзьям. Кому она здесь нужна? Хотя в перестройку один мой родственник не выпускал из рук оружия. Представь себе, он спал у меня на недостроенной даче с пистолетом под подушкой.

– Кто это? Я его знаю?

– Вряд ли. Он москвич.

– Из нашего класса многие в люди выбились, – продолжил Олег. – Одна даже в Союзе писателей России...

– Вот уж удивил! Так я тоже в нём состою.

– Ты в Союзе писателей?

– Да. А что тебя удивляет? И целый иконостас наград к этому прилагается, причём я за них не платила, как многие сейчас делают. Чем очень горжусь.

– И как ты туда попала?

– Случайность. Которая как закономерность. Вначале выпустила первую свою книгу стихов. Тогда я думала, что она и последняя. Подруги уговорили. А она оказалась в руках нужного человека, который не поленился, несмотря на все свои регалии, и заглянул внутрь. Оказалось, что у меня и талант есть, и собственный стиль имеется. Это меня крайне удивило, поскольку ни о каком своём стиле я не только не подозревала, но и не задумывалась вовсе. И вообще, я так была далека от литературы в то время. Это уже потом поднатаскалась, поднаторела. И «Золотое перо Руси» мне сразу дали, и в Союз писателей России приняли с единственной книгой без дополнительных рекомендаций. Хотя я и после этого долго в себе сомневалась.

– А теперь сомнения есть?

– Нет. Появилась уверенность в себе, вернее – в моих стихах. Возникли сомнения, когда я на романы перешла, но это случилось после болезни...

– Подожди... А ты серьёзно болела?

– Да, – односложно ответила Ирина.

– Надеюсь, сейчас всё хорошо?

– Да. Так в этот период перестали стихи складываться, потому что мозги плыли конкретно. Решила написать роман, который оказался не то, чтобы успешным, но вполне читабельным. Я же не знала, насколько могу быть прозаиком, поэтому отдала рукопись сначала на строгий суд современного классика, с которым познакомилась в своём издательстве. Ждала ответ, как приговор. Но известный писатель дал вполне положительный отзыв: «С твоей героиней я не согласен, но пишешь ты хорошо». Так я получила путёвку в литературную прозу...

– А почему он с твоей героиней не согласен?

– Ему показалось, что она слишком независима, эмансипирована. Это большинству мужчин не нравится. Но я так пишу, это мой стиль, и в угоду кому-то ломать его не собираюсь. К тому же, читают-то меня в основном обеспеченные домохозяйки, а им интересны именно такие героини, бунтарки. Теперь выпустила уже пятый роман по счёту... Что мы всё обо мне? Расскажи лучше, как вам с другом удалось одноклассников собрать.

– Не так легко, как показалось на первый взгляд. Я думал, достаточно бросить клич, и все сбегутся. Но – нет. А я как раз институт культуры закончил... Всё сошлось, чтобы собраться вместе и вспомнить школьные годы. Ресторан заказали, я развлекательную программу сделал...

– А у нас Вика всем занимается. Если бы не она, никто бы ничего не устраивал. Мы с классом тоже праздновали 25-летие окончания школы в 2010 году. Чуть припозднились. Но уже собирались не просто классом, а всем потоком. Так сложно стало кого-то вытащить из норки перед телевизором!

– А у нас почти все пришли. Активные. Знаешь, а я ведь только на таких вечерах встреч и живу по-настоящему.

– Мне тоже нравятся вечера выпускников... Но не до такой же степени! Мне интересно жилось и тогда, и теперь не хуже. Каждый этап моей жизни – это целая эпоха со своими падениями и взлётами. Жизнь была настолько насыщенной, что иногда мне кажется, что я Землю топчу уже лет триста. Не меньше! Вижу в твоих глазах скепсис, но это так.

– А у меня после школы... Так быстро жизнь пронеслась, как один миг.

– Не может такого быть! Ты преувеличиваешь. Я понимаю, когда мой семидесятилетний папа так говорит. У него была одна работа и одна семья. Но ты-то наверняка столько всего в жизни поменял... У вас всегда активный класс был, – решила Ирина вернуть разговор в привычное русло. Не хотелось переходить на душещипательные темы. – А у нас как-то все одноклассники быстро сдулись, как воздушные шарик. И такими птицами высокого полёта, как у вас, мы тоже похвастать не можем. Есть вполне обеспеченные, как мы с Викулей, у других – свои магазины и небольшие фирмы... Есть, кто в милиции служит.

– Тамарка твоя ещё там?

– Нет, на заслуженном отдыхе читает студентам лекции по юриспруденции, а была следователем прокуратуры. Мы ведь с ней, если помнишь, в школе почти не дружили. Она к другой группе девочек относилась. Но мы с ней один авиационный институт окончили, там и подружились по-настоящему, на всю жизнь. А потом к нам и Викуля подтянулась в том же вузе с опозданием на один год, потому что брала академический. Теперь так втроём и дружим. А Каштанова ты знаешь? Он же – гаишник высокого ранга.

– Ты хочешь сказать, что Каштанов – твой одноклассник?

– Да, представь себе. К нему в случае чего все наши обращаются. Он, как и ты, после восьмого класса ушёл, но на все вечера встреч приходит, а иногда и с организацией помогает Вике. Наши в другом все рекорды побили... Просто пальма первенства по количеству отсидевших в тюрьме. Наш классный руководитель, когда мы отмечали пятилетие окончания школы, просто за голову хватался. Его же постоянно по судам таскали из-за бывших учеников: дать характеристику, как подсудимый учился в школе, были ли замечания по поведению. Есть осуждённые и за драки, и за изнасилования, и свои чёрные риелторы, и за убийство есть...

– Кто же у вас докатился?

– Давай как-нибудь в другой раз обсудим...

Вспомнили они и об Иришкиной двоюродной сестре Алёне, из-за которой и произошло её знакомство с Крестовским. Активная была девочка, вечно в кого-то влюблялась.

– Где она сейчас? Такая смешная была. Мне в любви признавалась. Представляешь? На том стадионе, где зимой каток заливали. Там с одной стороны скамейки были. Что-то вроде трибуны...

– Помню. Это со стороны Алёнкиной пятиэтажки... Алёнка мне рассказывала тогда об этом признании, но я ей не поверила. Думала, сочиняет. Она всегда была большой фантазёркой, – погрузилась Ирина в прошлую жизнь.

Но сколько ни силилась, вспомнить многое не могла. Всё будто проплывало в тёмной мгле или в тумане. Вставали общие силуэты, выстраиваясь в смазанно-цветастые картинки, и то скорее навеянные рассказами Крестовского, а не вспомнившиеся Ириной из школьной жизни. Ей проще было выдумать новый сюжет романа, чем ворошить прошлое. Да и приятнее выдумывать.

Давно всё ушло. Только она не могла в этом признаться ни себе, ни ему. Особенно ему. Чтобы не обидеть. Как можно жить прошлым, если так интересно жить в настоящем? Ирина не понимала...

– А я тогда так расчувствовался на её признание, – продолжил друг детства, – Что ушёл сразу, ничего не сказав в ответ. Такой вот я чувствительный! Не забывай об этом, Ириш, пожалуйста. Я очень ранимый.

– Мы, творческие люди, все ранимые.

– Помню, что она была в белом платье в крупный красный горох и с очень короткой стрижкой. Да?

– Насчёт Горохов ничего не скажу, потому что такие подробности точно не вспомню, а вот стрижка у неё была короткая.

В том году, о котором зашла речь, Алёну действительно остригли под мальчика, чтобы скрыть тонкие волосёнки. Ирина с улыбкой вспоминала двоюродную сестру, которая явно в очереди к Богу за волосами не стояла – на интеллект и незаурядный ум потратила время. А стрижка ей действительно шла гораздо больше смешных девчоночьих косичек и хвостиков, и выросла.

– Хотелось бы на неё взглянуть. Интересно, я её узнаю?

– Ты же её помнишь хрупкой девочкой... А сейчас она, как бы помягче выразиться, несколько раздалась вширь. Да и вряд ли вы увидите. Она, как и я, живёт в Москве...

За тридцать лет многое изменилось. Что говорить, если целое государство рухнуло, переломав, перемолов судьбы миллионов людей. Всё поменялось! Ирину порадовало, что Олег не пьёт сейчас спиртного, как и множество известных ей мужчин, опустошивших пару цистерн с горячительным в бурно проведенной молодости. Порадовало, потому что она не переносила на дух пьяниц после развода с первым мужем, буяном и придурком. Поэтому сегодня бокал вина заказала по настоянию Олега только Ирина, чтобы выпить «за встречу».

И как потом выяснилось, зря! В подпитии, даже лёгком, она становилась слишком откровенно болтливой. Прямо находка для шпиона!

Олег много рассказывал о себе, о своей учёбе в институте культуры. Странно, что они не нашли времени поговорить обо всём раньше, несколько лет назад. Может, судьба Ирины сложилась бы по-иному, и она не сорвалась бы в смертельное пике. Хотя...

По большому счёту Ирина ни о чём не жалела, а даже благодарна Богу за столько серьёзных испытаний, выпавших ей. И если бы на полном серьёзе ей предложили что-то поменять, что-то изменить в жизни, то Ирина бы не согласилась. Ведь кто-то там, сверху, вёл её тернистым путём к литературе, к писательству, без которого она сейчас не мыслила себя. Иной судьбы она не представляла и не хотела.

Надо признаться, что все прошедшие годы бывшая подруга детства смотрела на Олега Крестовского несколько отстранённо и чуть свысока, потому что парень, играющий и поющий на танцплощадках и в ресторанах, для неё заведомо пустышка. Что он мог предложить Ирине, если вокруг него сновало бесчисленное количество женщин, выпивка лилась рекой? Что от ресторанного мужчины можно ждать хорошего? Такая жизнь точно не для неё, поэтому Ирина интуитивно избегала встреч с Олегом, хотя попытки с его стороны предпринимались.

– Олег, а как у тебя жизнь складывалась? По-моему, тебе нравится нынешнее положение, должность.

– На данном этапе – да. А ты замужем? – задал Крестовский вопрос, который, видимо, давно хотел озвучить.

– Конечно, замужем. Разве такая женщина, как я, может быть не замужем? Меня постоянно окружают мужчины...

– Так было всегда...

– И теперь ничего не изменилось, всё то же самое. Только мой брак сейчас перешёл в несколько иную фазу...

– Это в какую же?

– Ты что-нибудь слышал о гостевом браке?

– Это когда супруги друг к другу в гости ходят, судя по названию.

– Да, угадать несложно, но у нас с мужем ещё круче: мы живём не только в разных городах, но и в разных странах. Он уехал в Германию и владеет фирмой по поставкам оборудования, а я отказалась переезжать, потому что, как писатель, никому там не нужна. А без этого занятия я уже не могу. И каждый из нас теперь живёт, по сути, своей жизнью. При этом ни он, ни я разводиться не планируем. Нас всё устраивает: его – чтобы тамошние бабы не донимали, потому что в Европе женщины, как пираньи, оттяпают всё, а меня устраивает статус замужней женщины. Ну и обеспечивает он нас с Маришкой, конечно. Высокие отношения!

– Мне непонятные... А ты помнишь, что я ушёл раньше из школы?

– Да, что-то такое смутно припоминаю. Я ведь, как ты понимаешь, не сразу писателем стала, а долгое время трудилась в авиационной промышленности, окончив авиационно-технологический институт. Работала инженером на местном приборостроительном заводе.

– И в каком цеху?

– Скажешь тоже – в цеху! Меня мама сразу в отдел определила в обход всем правилам. Я работала в отделе, где испытывали приборы на высокие и низкие температуры, влажность, морской туман...

– А гироскопами занималась?

– Как раз наша бригада и занималась гироскопами, поэтому мы имели высокую степень секретности и долгое время были невыездными. Все уже челноками по границам мотались, а нам загранпаспорта не выдавали.

– А помнишь, как мы целовались у тебя в старом доме? – неожиданно спросил Олег.

– Конечно, помню. И засосы, которые приходилось прятать от родителей и подруг. А поаккуратнее нельзя было? Или ты на мне обучался? И как нас моя бабушка гоняла, чтобы мы не уединялись, тоже помню. А у меня ни о чём порочном и мыслей не возникало. Мне даже эротические сны не снились. Правда-правда!

– Хорошо, что мы встретились сейчас на празднике. Я ведь тебя хотел разыскать...

– Почему? Что это ты вдруг обо мне вспомнил?

– Это я тебя притянул своими мыслями! – вдруг сказал Крестовский.

– Нет! Это я тебя притянула своими стихами! – парировала Ирина. – Хотя о тебе конкретно в них ничего не сказано, но я очень хотела любви и называла внешние и внутренние черты мужчины, которого я бы хотела видеть рядом с собой. И ты практически идеально в них вписался. Так что мои стихи сыграли не последнюю роль в нашей встрече. А ты-то как меня мог притянуть? Ты ведь стихи не пишешь...

– Не пишу. Когда учился в институте культуры, нам однажды дали стихотворное задание. И я его добросовестно выполнил, конечно. Надо будет тебе прислать. Но это был единственный опыт.

– Так чем же, интересно, ты меня притянул?

– А ты мне снилась целый год...

Это было неожиданно! Как, впрочем, всё, что происходило сегодня. Ирине верилось и не верилось одновременно.

– А ты песни пишешь? – спросил Олег.

– Ты имеешь в виду песенные тексты? Да, пишу, причём они мне приходят вместе с музыкой. Но профессионалы, я имею в виду композиторов-песенников, сочиняют интереснее. У меня есть знакомый бард, который из обычного стихотворения может сделать настоящий шедевр. Просто им, в смысле песенникам, надо слепо довериться. А ты музыку не пишешь?

– Нет.

– Жалко. Я как раз недавно выбрала время, чтобы заняться моими песнями. Давно собиралась, но только руки не доходили. Моя младшая дочь Маришка облюбовала песню «Я ухожу» и попросила, чтобы я ей отдала. Какую-то мелодию она сама подобрала подходящую и аранжировку сделала...

– А у неё профессиональная подготовка есть?

– Ну, не совсем профессиональная... Не Гнесинка, конечно. Музыкальная карьера перспективна, поэтому я и не планировала, чтобы дочь дальше училась, но музыкальную школу по классу фортепиано она окончила в прошлом году. В нашем районе Москвы такая шикарная школа, что не отдать туда ребёнка – преступление.

– Это ты правильно сделала.

– А я сразу решила, что мои дети непременно будут учиться музыке, потому что мне иногда не хватает этих знаний. Мало того, что не могу записать мелодии, приходящие к некоторым стихам, я ещё и неловко себя чувствую, когда в компании разговор заходит о музыкальных произведениях. Как будто при мне говорят на неизвестном иностранном языке. Чувствую себя идиоткой. Моя старшая дочь Майя бросила музыкальную школу в четвёртом классе из-за сольфеджио. Я знаю, что многие дети бросают музыкалку из-за этого предмета. А моей Маришке крупно повезло, потому что ей досталась необыкновенная преподавательница со своей методикой обучения. Она с детьми играла в сольфеджио. Представляешь? И дети, которые у неё занимались, любили её предмет больше, чем специальность. Поэтому Мариша так легко сама аранжировки делает.

– Зато у меня есть своя студия звукозаписи! С прошлых времён осталась.

– Студия звукозаписи?! Вот этого мне и не хватало! А то три мои песни полностью готовы, а записать дороговато. Поможешь?

– А кто исполнять будет?

– У меня есть подходящий бард, который мои песни и довёл до ума. Классно получилось! Ну как, поможешь?

– Конечно, помогу...

Так они проболтали не один час, пока Крестовский не засобирился домой, ведь у него, как выяснилось, есть официальная супруга, окольцованная в загсе. Но особенно Ирину сразило до глубины души, когда Олег положил руку на сердце и сказал:

– Ириш, а здесь-то всё осталось к тебе так, как было раньше...

– Но так не бывает! – возглас вырвался сам собой. – Как романист тебе говорю: не-бы-ва-ет. Если я об этом в книге напишу, меня наша шатия-братия романистов на смех поднимет!

– Бывает, – уверил он.

И при этом Олег так на неё смотрел! Так смотрел, что можно сума сойти!

«Нет! Нет! Такого не бывает, – останавливала Ирина сама себя. – Потому что быть не может!»

И его глаза были настолько голубые на ярком солнышке, что закрадывалось подозрение о цветных линзах... И какая-то странная щенячья радость мелькала в этих глазах, которой тоже не хотелось верить. И улыбочка эта... А переигранный образ удачливого человека вкупе со словами, что жизнь прошла незаметно мимо? Какой-то чудовищный микс.

Ирине хотелось крикнуть сакраментальное: «Не верю!» Она привыкла в своём отношении к конкретному человеку отталкиваться от видения, навеянного первыми минутами общения, а сейчас перед ней возник чёрно-белый кот в шашечку из мультфильма про голубого щенка, напевающий голосом Андрея Миронова:

*Надо жить умеючи,
Надо жить играючи,
В общем, надо, братцы, жить
Припеваючи...*

Писательницу этот персонаж не пугал и не отталкивал, но настораживал своей наигранностью... И задела-заинтриговала фраза, брошенная при прощании, как бы в продолжение какой-то неведомой игры:

– Ну что, роман писать будем?

И последующая за ней Ирина, не менее игривая:

– Всенепременно...

Что-то щёлкнуло, как механизм в заржавевшей музыкальной шкатулке, и неожиданно полилась странная музыка, а в небо взвились петарды...

ИГРА НАЧАЛАСЬ!

Прощаясь, они коснулись друг друга губами. Что, казалось бы, случилось? Прощальный поцелуй, и не больше, как полагается между творческими людьми. Ирина с друзьями всегда так приветствуют друг друга и прощаются в издательстве или на писательских вечерах. Но это было нечто больше, чем обычное прощание.

– Куда меня уносит? – задала Ирина сразу же вопрос вслух отражению в зеркале, как только переступила порог своей квартиры, поговорить-то о произошедшем было не с кем. – И зачем мне это надо? Разве мне плохо сейчас живётся? Я обеспеченная и самодостаточная женщина. У меня всё есть для жизни и творчества. Самое главное, что мне никто не мешает. И я ничего не хочу менять! Ничегошеньки! Приключений на свою ж... хочешь найти? А не слишком ли многое ты потеряешь в случае фиаско? Стоит ли игра свеч?

А опасения были не беспочвенными. И дело даже не в муже, проживающем в Германии. Чем может для Ирины закончиться неудачный адюльтер? Разводом. Но это не смертельно, тем более, что она себя теперь может обеспечить и сама. Но любое нервное потрясение могло привести Ирину к нежелательным последствиям, к обострению болезни, например. А то, что она добровольно откажется от вновь обрётённой любви, не приведёт ли к не менее сильному потрясению?

– И что я там наговорила ему, дура! Зачем начала душу выворачивать? И про перенесённую болезнь рассказала... А если он посмеётся надо мной? Или ещё хуже: вдруг он злопыхатен, затаил на меня обиду в далёком детстве и хочет отомстить примитивным способом, как в дешёвых бульварных романчиках... А? Такой вариант ты рассматриваешь? – продолжала Ирина себя изводить и накручивать неразрешимыми вопросами.

Они относились к разряду риторических, то есть не требующих немедленного ответа. Любой ответ привёл бы к нагромождению ещё большего количества вопросов.

– А может, будь что будет? Может, отпустить ситуацию и понаблюдать, к чему это приведёт? Мне же нужны новые эмоции и новые впечатления. И мир раскрасится в более яркие тона, и стихи приобретут будоражащий оттенок, и сочиняемые романы станут насыщенней. Ты же сама просила перед иконой любви, просила дать любящего мужчину... Тебе выдали один в один, как хотела. Что ты теперь кочевряжишься? Прими всё как есть, как данность. А ничего другого не остаётся...

От переживаний Ирина открыла бутылку французского бордо, которое она предпочла всем остальным, когда врачи посоветовали выпивать небольшой бокал красного сухого вина за ужином. Конечно же, потребление вина сию минуту не приведёт к решению глобальных проблем: быть или не быть любовным отношениям, но повысит градус настроения... Может быть...

После выпитого бокала стало только хуже от нагромождения вопросов, которое достигло сначала потолка, а потом перекинулось этажом выше. Господи, что за бред сумасшедшей? И это всего лишь от бокала красного? Скорее всего, сегодня в ресторане под видом хорошего домашнего напитка Ирине подсунули бурду, так что лучше сейчас выпить кофе с молоком и корицей...

Спустя час после нежного расставания с Олегом, сидя в кресле с чашечкой кофе в руке, Ирина получила от Крестовского первую в их романе sms, которая несказанно удивила, но от которой стало так тепло на душе:

– Я скучаю по тебе...

«Правда же, это мило, что появился кто-то по тебе скучающий? – подумалось Ирине. – Хотя вру Скучающих по мне навалом, а вот любящих – ни одного. Любящих по-настоящему, так, как нужно мне, а не им. Сколько раз я сталкивалась с любовью мужчин вовсе не ко мне, хотя это многократно тиражировалось эхом признаний... И в результате приводило к очередным разочарованиям, потому что это не была любовь ко мне... Ко мне, единственной и неповторимой. Это не была готовность обо мне заботиться, спасти меня в трудную минуту... Они любили вовсе не меня...

МОИ МУЖЧИНЫ ЛЮБИЛИ СВОЮ ЛЮБОВЬ КО МНЕ.

Именно к такой формулировке я пришла за долгие годы общения с противоположным полом.

А то, что происходит сейчас, не розыгрыш ли это? Не злая ли шутка над одиночеством? Ведь Олег окончил институт культуры, и ему, вероятно, читали курс по актёрскому мастерству. А Ирина за ужином в ресторане столько наговорила: и о перенесённой болезни упомянула, и про некоторые другие жизненные коллизии, выпавшие на её долю... Что он там сказал про свою ранимость? Всё правильно: стойкие оловянные солдатики нынче перевелись.

– А я думала, что после моих откровений ты не захочешь меня видеть, – написала Ирина в ответ, но потом себя обругала: «Не покажутся ли Олегу эти слова ещё большим откровением? Перед кем я выворачиваю душу? Стоит ли он того?»

И она попыталась завуалировать предыдущую фразу:

– Не удивляйся моим мыслям. Я по жизни – бояка.

Нет! Не то! Опять не то! Мужчинам всегда приходится разъяснять каждую фразу, иначе они «не догоняют», «не врубаются» в силу собственной испорченности или накопившихся с самого детства комплексов. Ирина собралась с мыслями, чтобы выдать тираду:

– Чем хороша юность? Веришь всему и сразу Я говорила, что бояка? Теперь я боюсь всего и всех. Жизнь заставила. У тебя хватит терпения меня переубедить?

И пришёл не менее парадоксальный ответ, который вогнал её в не меньший ступор:

– Не бойся, всё будет хорошо... Мы встретились...

«Наверное, женщинам тоже требуются подробные разъяснения от мужчин. Олежек, рас толкуй мне, что означает: «Мы встретились»... И что дальше? Встретились – и что?! Мне от этого станет легче жить? Или всё усложнится настолько, что захочется выйти в окно? Я ведь не менее ранима, чем ты, а может, и более».

Но уточнять она не стала...

«Не бойся, всё будет хорошо...» – почему-то эта фраза наполнила душу теплом, которое Ирина не испытывала давно. Она не слышала таких слов от мужчины последнее время.

Ирина перечитывала и перечитывала sms Олега вслух миллион раз с разными интонациями, с разным выделением слов:

– ВСЁ будет хорошо. Всё БУДЕТ хорошо. Всё будет ХОРОШО.

– НЕ БОЙСЯ!!! ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО! – она повторяла как мантру, а потом легла в постель и уснула со счастливой улыбкой на губах...

Она давно так спокойно не засыпала. И снился ей сон, как будто она летает... А Ирина не летала во сне уже несколько лет, настолько приземлённой была та действительность, в которой она существовала. Именно в полёте, в невесомости, в потусторонности сочинились строки:

*Я придумаю солнечный ветер,
По которому шествуешь ты....
Где-то там за шольским рассветом
Мы с тобой от судьбы убежим.*

*Я впитаю внезапную юность,
Бесшабашность, живя одним днём...
Счастье прежнее разом вернулось!
Мы вдвоём? Да! Мы только вдвоём!*

Но наутро все вчерашние сомнения вернулись обратно с удвоенной силой. Не помогло и чтение вчерашней sms: мантра не возымела должного действия. Ирина не верила в происходящее.

Добравшись до московской квартиры, она решительно взгромоздилась ногами на стул в хозкомнате, чтобы добраться до самой верхней полки и отыскать в жестяной коробке свой школьный дневник с личными записями. Тот самый, который перешёл потом в стихи. Да, она начала писать стихи в старших классах школы. Сохранился ли он? Или Ирина выбросила затёртую до дыр тетрадку за ненужностью при очередном переезде?

Нет, дневник нашёлся!

Вот она – древняя разрисованная тетрабочка с пятиконечной звездой на обложке. Тетрабочка, от содержимого которой дух захватывает. Чуть не спела: «Что день грядущий мне готовит?» В смысле: что интересенького она сможет почерпнуть в прошлом о Крестовском. И вычитала интереснейшие события, происходившие с ней более тридцати лет назад.

Ирина забыла, что школьные годы наполнены всевозможными происшествиями. Какими же они были наивными!

Школьный дневник 1980–1981 гг., Подмоскowie

Впервые я услышала об Олеге Крестовском от своей двоюродной сестры Алёны, когда мне было тринадцать лет. Тринадцать! Страшно подумать! Разве дети серьёзно влюбляются в таком возрасте? Я слышала, что и в детском саду влюбляются. Но это уже аномалия.

Олегу на тот момент было четырнадцать. Зато моей сестрице Алёнушке, о которой пойдёт речь дальше, едва исполнилось одиннадцать лет от роду! Какими ранними и влюбчивыми девочками мы были с кузиной!

Алёша выцепила Олега Крестовского на катке, неизменном месте встреч школьников всех возрастов и разных школ города. Сколько разбитых сердец лежало на льду, трепыхаясь от избытка чувств! Временами на катке вспыхивали не только потасовки, но и серьёзные драки, переходящие в ледовые побоища. Именно так! Поскольку страсти кипели нешуточные. Но за порядком бдела доблестная милиция с дружинниками.

А где ещё было встречаться ровесникам восьмидесятых? Не на школьных же дискотеках, под присмотром строгих учителей, когда пары танцевали «медляк» на так называемом «пионерском расстоянии». И не дай бог каких-то вольностей в виде объятий и поцелуев!

Каток заливали под окнами Алёшиного пятиэтажного дома, что стоял наискосок от нашей школы. При желании из окон квартиры моей кузины можно было наблюдать всё, что происходит на льду стадиона и в хоккейной коробке, как на ладони. Чем мы частенько и занимались с сестрицей, выискивая глазами знакомых и гадая вслух: присоединиться сегодня к ним или нет? Жители близлежащего района от мала до велика ходили на каток, а я жила в полной оторванности от всех в частном секторе, далеко от всеобщего места встреч.

Дом, в котором прошло моё детство, был деревянным, состоящим из двух половин – бабушкиной и нашей. А вокруг дома рос яблоневый сад, в котором летом было замечательно. Но осенью и зимой на улицах частного сектора стояла такая темень, что не хотелось выходить за калитку. Зимой хотя бы снег подсвечивал, а осень – проклятьё какое-то... Как у чёрта в мешке!

Ходить на каток мне было не только далеко, но и страшно, потому что в наших улочках-переулочках не горело ни одного сколько-то яркого фонаря: один-два тусклых светлячка на каждую из четырёх улиц. Как и во всем Советском Союзе, близ частного дома были не дороги, а направления, и то если в ночь не выпадал снег, когда и направления терялись под сугробами. А в остальное время ориентирами служили проторенные тропинки да белый снег, искрящийся от дальних фонарей и низких освещённых окон частных домов.

К тому же мои родители никак не хотели покупать мне коньки. Всё на машину копили! Как будто мои коньки пробьют непоправимую брешь в их накоплениях. И, соответственно, я не умела кататься на коньках. Алёша и мои одноклассницы-подружки пытались пару раз меня поставить на белые «фигурки» – мою несбывшуюся мечту, но эти затеи не увенчались успехом. Я так и не научилась, поэтому просто приходила на каток и гуляла с такими же неумёхами по кругу...

Начало нашей с Олегом дружбы можно отнести к самому концу 1980 года. Напомню, мне было тринадцать лет. И я находилась в полной уверенности, что я очень красивая девочка. Даже сомнений по этому поводу не возникало, потому что ещё в начале 1980 года я была некрасивой и толстой, а за прошедшее лето, как в «Гадком утенке», вдруг неожиданно и для себя, и для других стала красавицей. И все мальчишки вокруг просто сума посходили.

18 декабря 1980 г. *Сегодня неугомонная кузина Алёнка призналась мне, что влюблена в Олега Крестовского. Я удивилась, потому что вспомнила: он учится в нашей школе на год старше меня. И кажется, ходит в музыкальную школу. Как-то так получилось, что девочки*

из нашего класса дружили именно с мальчиками из класса Олега. А моя сестрица Алёнушка младше его аж на три года! Куда её занесло?! Поэтому я и удивилась. Но Алёша всегда старалась выглядеть старше перед мальчишками., прибавляя себе пару лет и подговаривая меня всем врать, что мы ровесницы, но учимся в разных школах. Что только не сделаешь для сестры!

Я думаю, что свою влюблённость она явно приукрасила, серьёзно считая, что и Крестовский ей симпатизирует. А на катке он часто просто оказывался с ней рядом, потому что Алёна жила в соседнем подъезде с его одноклассницей Ленкой Ступак и с ней дружила. Хотя дружбой это можно было назвать с большим натягом.

Когда мы этим вечером пошли с Алёнкой на каток, то явное пренебрежение со стороны Олега её расстроило до слёз. В следующий раз проезжая по кругу, Крестовский её нарочно задел плечом, после чего она аж просияла... Это такой знак внимания, что ли, как дёргание за косичку? Но у Алёши не было косичек, её коротко остригли под мальчика.

А Олег действительно симпатичный. Почему-то раньше я его не выделяла среди прочих, но теперь мне бы тоже хотелось с ним подружиться. Или это желание возникло наперекор Алёше?

30 декабря 1980 г. За эти дни я поругалась серьёзно с родителями из-за моих оценок за четверть, которые были., в общем-то, неплохими, но за поведение стояло «удовлетворительно». А ещё я поцапалась со своим другом Игорем... Видимо, день такой сложился неудачный.

На катке сегодня встретились с друзьями, весело провели время, а провожать меня пошли Игорь и Серёжка из нашего класса, и с нами увязался Олег Крестовский. Он оказался рядом впервые, проявив ко мне интерес. А то Алёша мне все уши прожужжала: «Мы дружим, мы дружим. Он с меня глаз не спускает». Какое там! Про неё Олег и не вспомнил ни разу, а меня по-серьёзному защищал от нападок Игоря, с которым я решила сегодня же раздружиться окончательно.

31 декабря 1980 г. Родители уговорили меня поехать с ними в дом отдыха, чтобы провести праздник с руководством завода, где работала мама. Но моих ровесников там не было вовсе. Никогда не справляла Новый год так скучно. Детей за общий стол не пускали, поэтому просидела одна весь вечер и начало ночи перед экраном телевизора в холле, чтобы только увидеть «Зарубежную эстраду» – единственное развлечение в новогодний праздник. Да ещё книжку читала, пока не пришли родители.

1 января 1981 г. Продолжилась скукота в доме отдыха, потому что мне не с кем было пообщаться, кроме упившихся водкой и шампанским, и поэтому – свехрадостных, взрослых. Я не знаю, о чём с ними разговаривать. Да и не хочется поддерживать беседу, которая в лучшем случае сведётся к вопросу: «Деточка, как ты учишься?» Да хорошо я учусь! Успокойтесь! Как будто больше и поговорить не о чем. Почему бы не поговорить о прочитанных книгах, если уж так хочется побеседовать.

Я много читаю, как и мои родители. Кроме книг мы читаем и «Роман-газету», и журналы «Наука и техника», «Юность», «Нева»... А может, другие взрослые не читают вовсе ничего, кроме газеты «Правда»?

Единственное стоящее развлечение за все дни: сегодня устроили большой костёр и жарили шашлыки, которые готовили профессиональные повара из дома отдыха. Но всё равно мне было безумно скучно.

Завтра с утра собираемся пойти покататься на лыжах в лес. Здесь работает прокат. Хотя чем-то развлечёмся!

3 января 1981 г. Вчера вечером приехали из дома отдыха. Наконец-то! Мы сегодня ходили с Алёнкой в кино «Звезда пленительного счастья», про декабристов. Нам посоветовала учительница, потому что скоро мы будем проходить по истории восстание декабристов. В

главной роли дулика Костолевский, кудрявая мечта всех девушек Советского Союза. Уж не знаю, как обстоят дела за границей. На вторую серию не остались, хотя фильм интересный, но нам родители сказали, чтобы мы сразу по окончании шли домой. «А как же каток? Как же каток?» – я вас спрашиваю. И как не увидеть Олега Крестовского, который меня защищал 30 января от Игоря? В прошлом году. Можно сказать, целый год не виделись. Шутка.

Я сестрице перед киносеансом рассказала о том, что Олег за меня заступался, ведь мы с Алёнкой до Нового года не виделись. Так она после этого известия в лице переменялась: «Всё ты врешь! Вот пойдём на каток, и я тебе докажу, что Крестовский только со мной дружить будет!» И она мне на мозги всю первую серию фильма капала: «Пойдём отсюда! Пойдём отсюда!» Конечно, ей же неинтересно смотреть взрослый фильм. Алёша ещё мелкая, хоть и с мальчишками кадрится.

Встретили на катке Олега. Он никого из нас не выделял, гуляли втроём.

5 января 1981 г. В школе я дружу с одноклассницей Беленой, но живёт она от меня далеко. Ни её ко мне, ни меня к ней не пускают, поэтому на каникулах я общаюсь в основном со своей сестрой. Но именно из-за Алёши меня не отпустили сегодня гулять, ведь она вчера по ходу зацепила компанию каких-то незнакомых ребят из другой школы и другого района, которые нас преследовали. Алёша всё время кого-то цепляет по ходу, а на меня все шишки потом сыплются. Еле от них сбежали. Так они меня выследили и припёрлись ко мне домой поздно вечером: «А подать нам сюда Ирину!» Кошмар! А самое обидное, что я ни сном, ни духом!

Но я уже придумала, как мне вырваться завтра из дома на каток. Классный руководитель Виктор Петрович перед каникулами раздал нам план работ на десять дней. Завтра должна состояться репетиция нашего школьного ансамбля, где мы исполняем песни на английском языке. Но мне одноклассницы по секрету сказали, что репетицию отменили. Вот и воспользуюсь свободным временем, чтобы повидаться на катке с Олегом.

6 января 1981 г. Продолжаются каникулы в школе. Встретились днём с Алёнкой. Она подговорила меня сходить к Олегу Крестовскому домой, якобы за книгой писателя Алексина, которую я на самом деле нигде не могла найти. Задали по внеклассному чтению, а в библиотеках её сразу расхватили. Время поджимает: надо прочитать в каникулы... В общем, Алёша умеет уламывать на всякие авантюры.

Но Олега дома не оказалось, дверь открыла его мама... А мы с Алёнкой потом забрели в соседний дом, к Веленке в гости. Алексина у неё тоже не нашлось, но она дала мне почитать Александра Грина «Алые паруса». Втроём ходили на каток, где нам повстречался Игорь. Хотела сказать – «мой бывший», но он со мной вдруг решил помириться и пригласил меня завтра в кино.

8 января 1981 г. Вчера в кино я не попала, потому что Алёшу не отпустили ко мне, а без неё я не пошла. Её родители вдруг ополчились на меня, сама не знаю, за что. Или опять наши предки поругались друг с другом. Такое часто случается. Их потом мирит моя бабушка.

А как же я без сестры? Наши родители решили, что мы друг на друга плохо влияем. А уж что такого криминального они усмотрели, ума не приложу. Всё было как всегда, и не большие. Сегодня Алёша прибежала ко мне тайно, без разрешения родителей, и мы двинулись в кино, где повстречали двоих ребят из той компании, от которых удирали 5 января. Нам ребята рассказали, что они в этот вечер просто были пьяными, поэтому нарывались. А так вполне нормальные парни. Генка и Юрка оказались братьями. Они сегодня заплатили за наши с Алёнкой билеты в кино и угостили коктейлем. И развлекали всякими байками. Было весело!

10 января 1981 г. Последний день каникул! Как жаль! Они так быстро промчались, что я и не заметила. В пять часов вечера пошли с Алёнкой смотреть цирк в дом культуры. По дороге поспорили, что я отобью у неё Крестовского за неделю, а то она мне надоела со своими разговорами: «Мой Олег, да – мой Олег!» А с чего это она решила, что он её?

13 января 1981 г. Мне нравится Олег Крестовский, а он любит Алёшу. Так она говорит, что ей уже Олег надоел, поэтому она сейчас гуляет с Геной, с которым мы ходили в кино 8 января. Вообще-то её не поймешь: сейчас она говорит, что ей нравится Олег, а через час будет Игорь или Гена. Возможно, и в другом порядке. Всё равно! Не удивлюсь, если в этом списке окажется и ещё кто-нибудь.

А мне очень нравится Олег, но, что предпринять, чтобы он на меня обратил внимание, я не знаю, потому что на каток меня родители решили не пускать из-за плохих оценок по поведению в четверти. Все каникулы отпускали, а тут взъелись непонятно почему. Причём остальные оценки хорошие, почти все пятёрки, но меня постоянно за язык кто-то тянет – поспорить с учителями по любому поводу. И сразу же – двойка по поведению за неделю обеспечена, потому что учителя хотят полного повиновения, и чтобы мы ходили по струночке. А я так не могу! Мне обязательно нужно высказать своё мнение., которое часто не совпадает с общепринятым.

Я тут как-то поспорила с учительницей литературы, что нельзя учить детей на примере главных героинь, изменяющих своим мужьям. Вроде бы у них так проявляется протест против общества, а я считаю, что мужьям изменять нельзя. После этого меня к завучу вызывали. А разве я не права?

14 января 1981 г. Я потеряла свой портфель! Случится же такое! Даже звучит нелепо. У одноклассника Олега, Паши Комова, я в раздевалке оторвала случайно тесёмку от шапки, а за это он забрал мой портфель. Вроде наказал. Я же демонстративно отвернулась и ушла за угол школы, а когда вернулась через несколько минут, то портфеля нигде не было. Я искала его с подружкой Беленой долго. Оббегали всю школу и её окрестности, но так и не нашли, а ей нужно было уходить в музыкалку.

Когда я забежала к себе домой, чтобы погреться и поесть, меня предки бесцеремонно выставили за дверь: «Без портфеля не возвращайся!» А где я вам его отыщу? Ну я и пошла... куда глаза глядят. И встретила Олега Крестовского. «Очень кстати», – подумала я, ведь о споре с Алёнкой на него я не забывала ни на секунду.

Я ему рассказала историю о моём многострадальном портфеле. И мы пошли с Олегом к Пашке Комову домой, а по дороге встретили Белену, возвращавшуюся из музыкалки. Она к нам присоединилась, потому что Олега хорошо знала, ведь ходила с ним в одну музыкальную школу. Но оказалось, что Комов не знает, что стало с моим портфелем: он поставил его на ступеньки школы и ушёл домой. Так где же портфельчик?!

Мы «продолжали поиски», а на самом деле просто гуляли, пока я не замёрзла окончательно, так что ног под собой не чувствовала. Крестовский и Комов пошли меня провожать домой... А что я скажу родителям, меня уже не волновало. Не болей же мне из-за какого-то портфеля!

Каково же было моё удивление, когда я переступила порог своего дома и увидела ЕГО, мой портфель! Его принесла Алёнка, которая утащила портфель со школьных ступенек к себе домой. Ведь он стоял один, а меня нигде не было видно. Потом её родители не пустили Алёну ко мне, пока она не сделает все домашние задания. А телефонов ни у кого не было, чтобы созвониться.

Как я её не убила? Не знаю. Но на самом деле я очень рада, что портфель терялся, потому что гуляла весь день с Олегом и пришла в девять вечера, а родители меня за это не ругали. Можно считать, что спор у Алёши я выиграла! Не прошло и недели. И она сама мне в этом помогла.

15 января 1981 г. За мной зашли гулять Олег Крестовский и Пашка Комов, но меня не отпустили родители. Гады!

18 января 1981 г. Мне теперь разрешают ходить на каток только по выходным дням. Сегодня была там с Алёнкой, а провожал домой меня Олег.

24 января 1981 г. Дожидалась с нетерпением этой субботы, замирая от ужаса: а вдруг Олег не придёт на каток. Но он пришёл. Он теперь только мой! Но выпустили родители меня из дома с условием, что я надену закрытую шапку – красный вязаный шлем. А как я надену это уродство, если я договорилась встретиться на катке с Олегом? Конечно, я бросила её на крыльцо и вытащила из кармана другую, любимую свою – белую.

Мы с Крестовским так хорошо погуляли, а потом он опять меня провожал домой. Но надо же случиться: я подхожу к крыльцу, чтобы поменять шапки, а из дома выходит отец... Орал как резаный.

Всё. Меня больше не пустят гулять!

27 января 1981 г. Два дня назад объявила родителям голодовку из-за того, что они не отпускают меня на каток. Как они не понимают, что мне обязательно нужно встретиться с Олегом, потому что в школе мы почти не видимся. То есть вслух-то я ничего не объявляла, но демонстративно не обедала и не ужинала. Как же у меня кружилась голова на уроках! И сегодня состоялся серьёзный разговор с мамой. Разрешили гулять. Голодовку отменила.

31 января 1981 г. Некоторые мои одноклассники дружат с мальчиками из класса Олега. Я уже писала об этом. А моя самая близкая подруга Белена гуляет с Ивановым. И сегодня она меня «обрадовала» известием: Иванов сказал, что Крестовский ко мне абсолютно равнодушен. То ли в разговоре он так неосторожно обмолвился, то ли специально сказал, чтобы мне передали, то ли домыслы какие... Но мальчишки часто друг перед другом выделываются, что, мол, я такой из себя независимый и на девочек мне наплевать. Но как же обидно это слышать! Хотела прояснить ситуацию, но Олег не пришёл на каток, а я проплакала весь вечер...

1 февраля 1981 г. Не терпелось поговорить с кем-нибудь о вчерашнем. Но не с мамой же, с которой у нас нет доверительных отношений. А впрочем, я не знаю ни одной девочки, которая бы делилась своими переживаниями по поводу мальчиков со своей мамой. Я как-то привыкла сама выкручиваться из любых ситуаций, а то гулять перестанут пускать.

Чтобы рассказать о вчерашнем дне, я после школы заглянула к Алёнке, благо её дом в двух шагах от школьного двора. Поболтали с ней обо всех знакомых: Игоря Бурлакова вспомнили, нашего летнего друга, что-то давно не видно на катке, Ступак Ленка из соседнего подъезда становится всё отвратительней с каждым днём. А когда речь зашла о Крестовском, я рассказала о вчерашнем разговоре с Беленой. Алёша выдала как диагноз: «Олег зазнался и себя отвратительно ведёт, потому что пользуется у девочек успехом».

4 февраля 1981 г. Так не хотелось все эти дни ходить в школу, ведь там на переменках постоянно сталкивалась с Олегом. Как только я чувствовала на себе его взгляд, меня трясло в полном смысле слова. Но всё равно я ждала звонка на перемену снова и снова. Только бы увидеть его ещё раз! И уроки казались невероятно длинными. Эти переживания были настолько невыносимыми, что я решила написать записку Олегу и на последней перемене передала через Комова: «Я была о тебе лучшего мнения, но Алёна оказалась права».

В семь часов вечера ко мне домой пришёл Крестовский и позвал меня из-за забора. Я выбежала к калитке, накинув на плечи пальто. Состоялся короткий разговор.

– Ты зачем пришёл?

– Пойдёшь гулять?

– Ты что? Такая холодина на улице! Да и не пустят. Меня родители на каток отпускают только в выходные...

– Но нам с тобой поговорить надо.

– Между прочим, я на тебя обижена.

– Ты ведь всё равно не скажешь почему.

– Конечно, не скажу.

– Ну иди домой, а то замёрзнешь, – и он поправил на мне распахнувшееся пальто. – До воскресенья.

– До субботы! – крикнула я, убегая домой.

– Приходи на каток, я буду ждать!

А про себя я подумала: «Ты бы пришёл, а за меня не беспокойся». До субботы оставалось ещё три дня.

2012 г., Подмосковье

Ирину утомило чтение о событиях давних, тем более что записи по-детски однообразные. Ничего в душе не дрогнуло и не всколыхнулось. Собственно, чему колыхаться, если всё давно забыто и быльём поросло... Она читала из интереса и не более того, будто и не с ней это происходило, а с какой-то другой девочкой.

Но захотелось воскресить в памяти персонажей, задействованных в дневнике. Многих Ирина забыла вовсе, так что не отпечаталось в памяти ни единой чёрточки, ни даже имени. А когда они с Олегом разговаривали в ресторане, то выяснилось, что он помнил прошлое до мельчайших подробностей. Например, что Ирина ходила зимой в красных брюках, в красном пальто с белым воротником и в белой кроличьей шапке, завязанной назад. И она тут же вспомнила: у неё вообще было много красных вещей.

Ирина так точно представила себя в детстве со слов Крестовского, что вспомнился один эпизод, не задействованный в дневнике. Видимо, она действительно была настолько яркой среди прочих, что однажды фотограф остановил её, тринадцатилетнюю девчушку, на центральной улице города и предложил сфотографироваться для витрины фотоателье. Настроение у Иришки было хорошее, времени вагон, и она согласилась. А потом любовалась целый год на свою неземную красоту, выставленную в витрине на всеобщее обозрение. Фотография действительно удалась! И несколько чёрно-белых фоток ей отдали с собой.

Но без помощи Олега и школьного дневника Ирина бы ничего в памяти не воскресила – хоть убей! А теперь, перечитывая о событиях тех лет, она представляла прошлое в деталях. И в красках.

В школу девочки тогда ходили в тёмно-коричневых форменных платьях, поверх которых надевались чёрные фартуки для обычных дней и белые с кружевами – для праздничных. Ирина могла в этом убедиться, посмотрев всевозможные сериалы о восьмидесятых на центральном телевидении с бесконечными продолжениями, явно востребованными у телезрителей, ностальгирующих по советским временам. Только маленькое уточнение: у Иришки эти фартуки были особенными, из атласа, и покупались в Белоруссии, куда семья Соломатиных ездила погостить каждое лето к родственникам.

От нахлынувших воспоминаний Ирина решила отправить сообщение Крестовскому:

– А я читаю свой школьный дневник с записями о том времени, как занимательную книгу. Столько воды утекло! Только я совсем забыла, что была тринадцатилетней малявкой, когда ты появился рядом со мной.

– Эх, почитать бы...

– Это эксклюзив, – написала Ирина, но захотелось перевести всё в шутку. – Что мне за это будет? Принимаю предложения.

– Я сильно подумаю...

– Сильно? Это как понимать?

– Сильно – это когда крепко... Это когда изо всех сил или на полную катушку...

Она улыбнулась, но позвонить Олегу не могла: он запретил из соображений конспирации перед женой и своими сослуживцами. А что прятаться, если ничего нет и, скорее всего, не будет? Ирину Соломатину вполне устраивал тот полубогемный образ жизни, который она вела в Москве, и ничего – ну ничегошеньки! – не хотела менять, а тем более – вытягивать Крестовского из семьи. Так что для себя Ирина решила: будет придерживаться Олежкиных правил игры.

«А стоит ли показывать Олегу мой школьный дневник? Наверное, нет, там слишком много откровений, которые не хотелось бы раскрывать перед бывшим возлюбленным», – решила писательница.

Она ещё в ресторане попыталась Крестовскому объяснить, что гостевой брак давал ей полную свободу действий. Но понял ли он? Ей в ответ было сказано многозначительное: «Ну начинается!» Будто с подобным явлением он сталкивался неоднократно. Поверил ли он, что такое бывает? Или решил, что девочка из детства перед ним выделяется?

Уже прошло несколько лет с момента, как Иринин муж сказал с раздражением:

– Ты давно мне не жена.

– А кто же я? – уточнила Ирина.

– Ты – сестра, – было ответом.

И той же ночью родилось стихотворение:

*Как пригвоздил кинжалом: «Я – сестра!»
Ещё подруга или компаньон,
Но не возлюбленная, как была вчера...
Ответишь за слова?! Не пустозвон?!*

*Ты понял – нет? – что руки развязал,
Что дал добро на шалости мои,
На вольности?.. Ты тоже вроде дал...
И что могу измены не таить.*

*Забыл ты всё, что должен не забыть.
Не помнишь ни любви и ни добра,
Но я могу теперь других любить...
Ведь я всего лишь младшая сестра.*

Сначала Ирина очень переживала и расстраивалась из-за нового статуса сестры, но потом привыкла и даже вошла во вкус. Она не пустилась во все тяжкие, как сделал её муж, хоть могла бы в ответ. Но ощущение свободы от брачных уз и при этом со штампом в паспорте... Что может быть лучше? Так чаще всего думают мужчины, а не женщины. Но слабой половине человечества не нужна эта призрачная свобода, поэтому последние три года Ирина не была близка ни с одним мужчиной. И чем дольше длилось это вынужденное воздержание, тем труднее для неё было перейти грань дозволенности.

Следующая встреча с Крестовским произошла в ресторане кавказской кухни. Лето потихоньку вступало в свои права, но слишком неохотно. К великому сожалению Ирины, на её любимую итальянскую кухню Олег не повёлся. Но это и неудивительно, ведь для того, чтобы стать фанатом Средиземноморья, надо бывать на том побережье так же часто, как она. А судя по рассказам Олега, путешествиями за рубеж он не избалован.

В первый раз Ирина с мужем приехали в итальянский Римини в самом конце прошлого столетия и прожили в бархатный сезон две недели в тихом отеле «Браун». Хорошо, что это была не первая её поездка за границу. Уже случились и Венгрия, и Чехия, и Испания... Одна из её подруг, ошеломлённая цивилизованной Европой в лице Италии, чуть ли не рыдала на визовом контроле, выезжая после двухнедельного отдыха обратно в Россию. Редкостная шутница и приколыщица, подруга красочно описала, как пыталась себя приковать наручниками к стойке бара в итальянском аэропорту.

Ирина тоже влюбилась в Италию с первой поездки и навсегда. Но как же было здорово именно в тот первый раз! Особенно если учесть, что парочка ещё не была официально окольцована в загсе, а проживала в гражданском браке. Они пребывали в состоянии нереальной влюблённости. Пляжи в прохладном октябре опустели, и на смену обычным туристам в отель заселились итальянские полицейские, проходившие в этом небольшом курортном городке что-

то вроде курсов повышения квалификации. Вот тут-то и начали подавать в ресторане настоящую средиземноморскую еду, привычную итальянцам.

Ирина с мужем долго привыкали к оливковому маслу, к специям, к странной подаче блюд, близкой к раздельному питанию, распробовав лишь вино с первых часов пребывания на итальянской земле. Ошеломили цены: бутилированная питьевая вода стоила дороже хорошего столового вина! Но итальянское красное сухое было кисловато в сравнении с французским, и они перешли на белое и розовое. А сколько ещё неожиданных и приятных открытий подстерегало их в Римини!

Но судя по тому, что итальянская еда была другу детства в диковинку, Крестовский не удостоил утонченно изысканную Италию своим посещением. Что спорить: на вкус и цвет товарищей нет, а чтобы сравнивать, надо хотя бы иметь представление.

Итак, вновь обретенные друзья переступили порог ресторана кавказской кухни в обеденный перерыв. Олег оказался настолько плотно занят, что другого времени для Ирины не нашлось. Или не искалось? И это уже начинало раздражать.

Нужен ли ей подобный источник раздражения?

Зал был маленьким, забитым людьми, что не способствовало личному общению. К тому добавлялся стойкий запах шашлыка или овощей на гриле. Удобные места по краям зала были заняты южными горячими парнями, громко обсуждающими что-то на родном гортанно-резком языке. Ясно, что не на русском. Друзья детства приютились друг напротив друга за свободным столиком посередине зала. Но Ирина не любила сидеть на проходе, чувствуя, как её энергия улетучивается, подхваченная сквозняком. Она настолько остро это ощущала, что, как только увидела освободивший диванчик, предложила:

– Давай пересядем?

Олег не противился. И они оказались сидящими рядом, в непосредственной близости. В первый раз... Шок? Электрический разряд? Всё вместе. Ирину накрыло такое энергетическое цунами, что она в первое мгновение оглохла. И поспешила отодвинуться.

Девушка-официантка восточной внешности подала меню. А когда суета с заказом блюд закончилась, можно было спокойно поговорить.

– Помнишь, как мы встретились на Дне России? – спросил Олег.

– Помню, конечно. Мы ещё диковинную ладью, спущенную на воду, живо обсуждали с Викушей...

– Я и хочу про неё рассказать. Я ладью давно приметил и всё искал случая, когда её можно применить. На каждом празднике стараюсь обзавестись какой-нибудь изюминкой, чтобы именно этот день запомнился и отличался от других. Вот и решил оживить День России славянским лагерем и ладьёй.

– Только лично мне не хватило паруса с изображением Ярилы-солнца.

– А парус был в том варианте, в котором я увидел ладью... А когда её привезли, оказалось, что парус на реставрацию отдали. Но не отказываться же от затеи! А с ладьёй на празднике казус вышел. Когда вы с Викой к детям пошли, я вернулся на пристань. Наше начальство ведь в полном составе прокатиться решило...

– А мы и рассматривали тогда с пригорка, как они катаются...

– Да. Так вот, причалом там служили специальные понтоны. И надо же такому случиться: как только наш новый мэр ступил на берег с ладьи, то есть встал на понтон, он треснул. Представляешь? Никогда при мне понтоны не трескались, сколько я их ни заказывал. И вообще я всегда считал, что это прочное сооружение, а тут...

– Надеюсь, в воду мэр не ухнулся?

– Нет, успел отскочить, но бабьего визгу-писку было вокруг!

– Мне кажется, что это плохая примета, когда под новоявленным правителем города что-то обрушивается...

– Мы все тоже так подумали, но вслух высказываться никто не решился... А лагерь славянский, который вам с Викой понравился, решено на постоянном месте оставить около озера... Есть предварительная договорённость с мэрией...

– Замечательно. А я сегодня с сюрпризом: принесла тот самый школьный дневник, который читала. Уж так и быть, платы за просмотр не возьму, но ты можешь на него полюбоваться только из моих рук, чтобы лишнего ничего не вычитал.

– Да я и не собираюсь выznавать твои секреты. Но покажи хотя бы мои записки. Неужели они сохранились? И что? Мной написаны?

Ирина показала ему, на каких страницах сделаны вкладыши, написанные его рукой тридцать лет назад. Олег читал и улыбался своим мыслям или воспоминаниям... Ей очень хотелось расспросить собеседника: что он думал тогда и что теперь? Как изменились его мироощущения? Но ей казалось, что времени вагон, всё впереди, если уж Крестовский так выделяет слова «мы встретились»... Ирина спросила про другое:

– Я тут всего начиталась... А ты не помнишь, кто такая Ленка Ступак, с которой ты вроде как целовался, судя по дневниковым записям...

– О! Это была незабываемая личность. Она из семьи военного, которого перевели в наш город. И попала Ступак к нам классе в шестом. Шустрая была! Целоваться наших мальчишек учила. Однажды зимой на уроке физкультуры ходили кататься на лыжах в «берёзки»... Помнишь такое место?

Ирина кивнула.

– Так облюбовали какой-то стог сена... Там и упражнялись... И мы с ребятами Ленку оберегали постоянно, защищали от других.

– Я только помню, что она с Алёнкой была знакома...

– Так они в одном доме жили.

– Как-то Ленка Ступак нам с сестрой анекдоты травила до того похабные, что мы даже и не понимали не только смысл, но и большую половину слов, о чем там речь идёт... Маленькие были. К тому же из интеллигентной семьи: бабушка у меня – известный архитектор, а мой папа – кандидат технических наук... У нас не только матерных слов в доме не услышишь, но даже слово «мужик» считалось ругательным и запрещалось к обращению, по крайней мере при детях... И Ритка Лямина тоже рядом с Алёной жила... Только в другом подъезде. Ты её знал? Какого только сброда в этом доме не было! Ведь в нём давали квартиры под снос домов. Наряду с нормальными людьми шушеры всякой хватало. А Ритка после школы поступила в институт, кажется, негритёнка родила и от наркотиков погибла... А кто такой Бурлаков, помнишь?

– Станный такой тип с отвратительной внешностью. Почему-то всё время хотел меня избить... Алёнкин дружок, что ли?

– Может, и Алёнкин, а может, и мой... Не помню. Ритка Лямина нас с ним познакомила, потому что дружбу водила с совхозными... Мы как-то вчетвером через железнодорожный переезд туда ходили: Ритка, Алёнка, я и ваша Ступак. Приключения искали, дурочки! Почему-то казалось, что с нами ничего плохого не может произойти. Наивные! А ты знаешь, что Серега Кистенёв, дружок Бурлаковский, после школы за убийство сел? Своего отчима топором зарубил. Представляешь? Страсти какие! Это до чего нужно довести человека, чтобы он за топор схватился? А ведь Серёга такой щедушный был...

– У всех жизнь по-разному сложилась...

– Я одного не понимаю: почему ты в школе изводил постоянно меня своим враньём, своей жестокостью? Почему ты старался сделать мне больно? Разве это можно назвать любовью?

– Дурак был.

– Надеюсь, что теперь изменился?

– Да. Сейчас бы я многое поменял, исправил...

– Олег, уже поздно. Я ничего не хочу менять. Меня вполне устраивает та жизнь, которую я веду. Мне комфортно в ней... И даже гостевой брак вполне устраивает. Правда, муж после этого урезал нас с дочерью в тратах. Теперь всё гораздо скромнее, но... Но я довольна жизнью. Главное – хватает на моё хобби, на писательство, без которого я уже не могу существовать. Так что теперь молюсь и за своего мужа: «Господи! Дай ему всё, что он хочет...». И добавляю от себя: «...И бабу хорошую». И совсем перестала его ревновать.

Повисла пауза.

– А я ведь скоро сюда, в город, жить переезжаю, – сказал Олег. – Квартиру в новом доме приобрёл.

– А ты разве не здесь живёшь?

– Нет. И приходилось нам с женой мотаться каждый день на работу. Надоело, вот и решили купить квартиру.

– А у меня собственная однушка была уже в двадцать лет. Мне дедушка подарил. И все знакомые завидовали лютой ненавистью. Бегали ко мне курить и завидовали, завидовали... Я ведь сразу после школы замуж выскочила за москвича и переехала жить в столицу. Но ранние браки непрочны, вот и наш – рассыпался моментально. Я вернулась обратно в город с четырёх-летним ребёнком, бросив всё в Москве, к родителям в квартиру. Тут мне дедушка и выдал однушку в двенадцатиэтажной башне. Помню, как раз настолько лютая зима случилась, что дом наш, построенный по чешскому проекту, промёрз насквозь. Кстати, я такие дома в Праге потом видела, когда в турпоездке была. Они рассчитаны на европейский климат, а не на российский. В моей квартире стена одна, которая к лифту выходила, покрывалась в январе изморозью. Ужас! Не спасали никакие обогреватели. Поэтому моя старшая дочь Майя заболела двусторонним воспалением лёгких. Но нам ещё повезло. А соседний дом промёрз настолько, что полетели все батареи отопления, и Новый год они справляли на улице у костров: не хотели квартиры оставлять без присмотра, боялись мародёров.

– А я только сейчас квартирой обзавёлся...

– А сколько ты раз был женат?

– Официально – два.

– Я тоже два. А дети есть? Ты с ними общаешься?

По опыту Ирина знала, что мужскую готовность заботиться о ком-либо можно измерить, наблюдая за его отношением к собственным детям, поэтому и завела этот разговор. Если общается, если тратит время и деньги на подрастающее поколение, значит, не всё потеряно и нечто человеческое в мужчине осталось, а если нет... Не стоит планировать ничего серьёзного с этим человеком, а надо уходить в отрыв, потому что перед тобой неисправимый, законченный эгоцентрист, не способный ни на сочувствие, ни на заботу.

По тому, как Крестовский задумался над ответом, Ирину ждало подтверждение её теории. «Неужели передо мной сидит такой экземпляр?» – успела промелькнуть мысль перед неутешительным:

– Дети есть. Но я не хочу касаться этой темы.

Может быть, предыдущая жена не хочет общения с Крестовским и настраивает детей против него? Такое часто бывает после скандального развода. Ирину очень волновал этот вопрос, потому что от ответа зависело, быть ли серьёзным отношениям. Ей захотелось услышать разъяснения.

– Почему?

– Потому что мне неприятно. Думаю, что бывшая жена сына против меня настроила.

О-о-о! А это уже диагноз! Жизнь, похоже, ничему Крестовского не научила...

– А в этом браке у вас дети есть? – продолжала допытываться Ирина и подумала: «Если есть маленький ребёнок, то эта встреча станет последней».

– Совместных детей нет. А сын моей жены живёт со своим отцом... Умненький мальчик.

К счастью, принесли заказанные блюда, поэтому они прервали малоприятную для Олега тему. Но для себя Ирина всё по большому счёту прояснила. Она давно считала, что таким мужчинам вообще не надо иметь детей, особенно мальчиков, для становления которых необходимо отцовское внимание или хотя бы присутствие.

«Не заикливаться и не заморачиваться! – команда к действию. И ни-ни! Лёгкий флирт и ничего более! Заботы от такого эгоиста не дождёшься, а мне ничего, кроме заботы и любви, от противоположного пола не нужно. Всё остальное у меня есть! Или куплю», – решила для себя в этот день романистка.

Они обсуждали заказанные блюда, пробуя друг у друга и салат «Цезарь», и хинкали, и баранину на гриле. Ирина не стала напрягать Олега правильным питанием, приверженцем которого являлась: «Ты есть то, что ты ешь!» И это не пустые слова. Все достаточно обеспеченные люди уделяют внимание рациону. А Крестовский, судя по внушительному животу, – гурман, любитель вкусно и обильно поесть. Ирина же относилась к гурмэ – любителям изысканных блюд. Почувствуйте разницу!

О какой изысканности может идти речь в кавказской забегаловке? Здесь «Цезарь» – вовсе не лёгкий классический «Цезарь» с подложкой из салатных листьев со специальной заливкой, посыпанный тёртым пармезаном, а горка сухариков, курицы и салата «Айсберг», обильно политых жирным майонезом и щедро усыпанная сыром неизвестного происхождения.

Ирина ничего не имела против кавказской еды, видимо, ориентированной на воинов-горцев, которые должны иметь достаточно сил для жизни в суровых горных условиях. Но в городах Центральной России это изобилие жирной пищи становилось неактуальным. И баранина в горячем блюде была жёсткая, наскоро размороженная в микроволновке. А мясо для ресторанных блюд должно быть или охлаждённым, или медленно размороженным, чтобы после приготовления нежно таять во рту. Уж это она знала не понаслышке.

После Франции, Испании, после путешествий по ресторанам и отелям Италии, куда Ирина с дружной компанией ездила несколько лет подряд не только на отдых, но и на замечательных итальянских поваров, мастеров своего дела, она стала разбираться в кухне, подаваемой в дорогих ресторанах. И сама научилась готовить не только вкусно, но и изысканно. Она, конечно, ела поданные здесь блюда, поскольку была голодна, но удовольствия не получила вовсе.

«Ладно уж, – размышляла она, – И об этом не стану высказываться вслух. Не стану обижать Олега. Но впредь я сюда ни ногой! И не уговаривайте!»

Разговор опять зашёл о сценарии мюзикла. Крестовский настаивал на варианте: «Мы ждём перемен...» И тогда Ирина пустила в ход неоспоримый аргумент:

– Во времена Советского Союза тебе сказали бы, что это пахнет ярой антисоветчиной. Ты задумывался над глубиной этой фразы – «ждём перемен»? А ты попробуй, и сразу просеешь её двусмысленность. Какие тебе нужны перемены? И кто их, интересно, ждёт? Строки ведь были написаны в перестройку, а сейчас другое время. Не проще ли обратиться к подросткам, например. Пусть они в какой-нибудь навороченный квест поиграют в комнате восковых фигур...

– А какая главная тема будет?

– Так тема уже есть – революция. Пусть будут восковые фигуры известных исторических личностей, отметившихся в 1917 году. Кроме Ленина могут быть Троцкий, Керенский, можно из литературы кого-то подтянуть. Того же Маяковского или Есенина. Или их обоих. Я тебе говорила, что последние полгода занимаюсь изучением первоисточников по биографии жены Сергея Есенина – Зинаиды Райх?

– Что-то такое ты упоминала, когда у меня на работе сидели...

– Вот и я о том же! Чем тебе Айседора Дункан не персонаж? Изадора, как её называл Есенин. Она же танцы революционные изображала с красным знаменем в руках. Я специ-

ально пересмотрела наш российский фильм 2005 года о Есенине с Безруковым в главной роли. Только начала с сокращённой версии того же фильма... Время зря потеряла! Смотреть невозможно, надёрганы куски, и смысл иногда теряется. А вот сериал вполне интересный, основанный на предположении, что Есенин не покончил с собой, а его убрали власти...

– Я смотрел.

– Зинаида Райх там настолько эпизодически показана, будто её и не существовало в жизни поэта. А ведь у них двое детей было совместных...

– Ты знаешь, что их сын, Константин Есенин, стал впоследствии известным спортивным журналистом, пропагандирующим футбол?

– Нет. Я не вдавалась в подробности жизни детей. Собственно, мужчины меня мало интересуют. Но меня удивило, что сын Есенина, Константин, умер только в 1986 году. Почему-то я считала, что род поэта давно прервался. Так суть не в детях, а в том, что Зинаида Райх была единственная венчанная с Есениным женщина, а значит, единственная законная жена. Но вернёмся к сценарию о революции. Я же со своей младшей дочерью общаюсь постоянно – шестнадцатилетние подростки почти ничего не знают о начале прошлого века. Для них это тёмный лес. Они вряд ли Райх узнают в восковой фигуре, потому что нет её в биографии Есенина, изучаемой в школе. Просто нет! А вот Айседору Дункан детки вполне могут осилить, поскольку каждый школьник знает историю её смерти с попавшим в колесо шарфом. Ещё интереснее Всеволод Мейерхольд с его прогрессивным театром. Личность неоднозначная, но включить его в ряд восковых фигур вполне можно.

– Да. Интересного действительно много. Но как ты назовешь свой квест? Как это название будет перекликаться с главной темой – революцией? Ты подумала?

– Обещаю подумать... И набросать синопсис.

1917 г., Зинаида Райх. Петроград – Соловки – Орёл

Пока Есенин гостил на родине, увлекшись Кашиной, роман Зинаиды Райх и Алексея Ганина продолжался. Чья была идея съездить перед помолвкой на родину жениха? Достоверно неизвестно. Поездка намечалась давно, чтобы познакомить будущую жену с родителями Ганина. Алексей и Зина позвали с собой в вологодскую деревню Сергея Есенина и Мину Свирскую, с которыми были дружны. Те с радостью согласились.

И радость та относилась вовсе не к внезапно возникшим чувствам между Зинаидой и Сергеем Есениным, который только что был серьёзно увлечён Кашиной. Если соотнести эти события с биографией Есенина, ему нельзя было оставаться в столице, ведь он дезертировал из армии Керенского. Есенин скрывался от властей сначала в деревне Константиново, и, ненадолго задержавшись в Питере, он предпринимает путешествие на север. С Ганиным или без него, но необходимо было срочно покинуть Петроград. Тут и подворачивается повод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.